

КРАСНОДАРСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

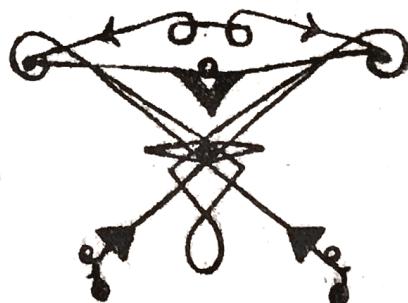
ПРАКТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ КРАЕВЕДЕНИЯ. Вып. I

Б.Л. ВЫРОДОВ

ДЕКАБРИСТЫ

и СРЕДНЯЯ

КУБАНЬ

АРМАВИР - 1994.

**90-ЛЕТИЕ АРМАВИРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Скромная эта брошюра - дань памяти видному армавирскому краеведу, одному из первых сотрудников городского музея Борису Львовичу ВЫРОДОВУ, имя которого так мало известно сегодняшним нашим землякам. Издание рассчитано на учителей школ и преподавателей вузов, студентов и учащихся, краеведов и просто жителей Армавира и его округи, интересующихся прошлым родных мест.

Этой публикацией кафедра всеобщей истории Армавирского госпединститута открывает новую серию брошюр: "Практические опыты краеведения".

Составитель, автор примечаний
и биографического очерка
С.В.ПОПОВА

Б.Л.ВЫРОДОВ И ЕГО ТРУД О ДЕКАБРИСТАХ НА СРЕДНЕЙ КУБАНИ

Приехав на работу в город Армавир в 1992 г., я немедленно включился в исследование историко-краеведческой проблематики Среднего Прикубанья, одним из важнейших исторических центров которого является станица Прочнокопская (Новокубанский район) и расположенные вокруг неё современные и ранее существовавшие населенные пункты. Чтение специальной литературы, знакомство с фондами и архивами Армавирского, Новокубанского, Прочнокопского краеведческих музеев не оставляли сомнений в том, что этот микрорайон Кубани таит в себе бесчисленное количество сведений о самых разных этапах местной истории как части общероссийского исторического процесса.

В числе наиболее актуальных тем, постоянно привлекающих внимание ученых и краеведов, есть и та, которая касается пребывания здесь сосланных декабристов, чья судьба во многом связана со станицей Прочнокопской и соседней ей (несколько предшествующей по времени возникновения) российской крепостью Прочный Окоп. В этом легко убедиться, обратившись к ценному документальному сборнику "Трудные годы. Декабристы на Кубани" (Краснодарское книжное издательство. 1985), предисловие к которому, написанное профессором В.А.Михельсоном, завершается яркими словами: "Память о декабристах – это память об их влиянии на развитие общественной мысли, память об их гуманистической программе, об их страданиях, гибели и борьбе" (с.9).

Достаточно напомнить небольшую книгу Т.И.Агаповой и М.И.Серовой "Декабристы на Кубани" (Краснодар. 1975), декабристские страницы и главы" нескольких новейших историко-краеведческих изданий (см., например : Кубанский краевед. Ежегодник. Краснодарское книжное издательство. 1990. Статья Н.М.Растрепина "В их числе были поэты и воины", с. 100-131; И.Герлова, А.Манаенков, В.Лях. Культура Кубанских станиц. 1794-1917. Исторический очерк. Книжное издательство "Южная звезда", г.Краснодар.1993, с.41-51; Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. Часть I. С древнейших времен до 1919 г. Краснодар. 1994, с.88-91), чтобы только

Что сказанное стало бы бесспорным.

Не удивительно, что к этой теме отчасти обратился и я в первой же написанной по местной проблематике книге "Страницы истории Средней Кубани. Краеведческое пособие для студентов и учителей" (Армавир. 1993). Причем, подбирая исходные материалы вместе со студенткой-заочницей исторического факультета Армавирского государственного педагогического института, старшим лаборантом археолого-краеведческой лаборатории С.В.Прастовой (Поповой), я (при добром содействии директора Армавирского краеведческого музея О.Н.Мельниковой и главного хранителя фондов музея З.А.Гавриловой) познакомился с машинописью Б.Л.Выродова "Века и тысячелетия волнующей истории смотрят на нас с Феодостапских высот (краеведческая экскурсия: историческое прошлое наших мест)", (Армавир. 1960, Научный архив Армавирского краеведческого музея, № 95). Она оставил впечатление серьезной, достойной и благодарного внимания, и поэмы краеведческой наработки, предшествующей большинству случаев последующего освещения декабристской тематики в связи со Средней Кубанью.

Со всей откровенностью замечу, что мы со Светланой Викторовной Поповой почти ничего не знали тогда о личности и творчестве Б.Л.Выродова, кроме некоторых штрихов его драматической биографии, воспрепятствовавших раскрыть перед обществом все результаты его исследовательских способностей, трудолюбия и краеведческого темперамента. Сейчас положение дол изменилось, о чем свидетельствует завершающая небольшая статья данного издания. А наши упорные разносторонние поиски увенчались выразительной находкой, которую можно назвать и своего рода открытием на поприще историко-культурного регионоведения Краснодарского края. Именно благодаря ей, я имею возможность представить и рекомендовать читателям этот труд Бориса Львовича Выродова.

... В начале лета 1994 г. Светлана Сергеевна Михлина – дочь бывшего директора Армавирского краеведческого музея Маргариты Сергеевны Данилькевич – любезно передала мне для изучения и применения в научно-педагогической практике объемные папки материалов из личного архива своей матери, под началом которой длительные годы работал Б.Л.Выродов.

Здесь и оказался первый экземпляр неизвестного ранее машинописного труда под названием "Кубань - Лаба (материалы по истории перенесения кордонной линии с Кубани на Лабу и участия декабристов в строительстве новой линии)", над которым Б.Л.Выродов работал вплоть до конца 1972 г.

С глубокой заинтересованностью читали мы этот труд, испытывая чувство досады по поводу того, что его содержание недоступно широким кругам нашей общественности. В условиях эстрады нехватки историко-краеведческой литературы нам показалось справедливым тиражировать его, чтобы сделать достоянием тех, кто небезразличен к прошлому Средней Кубани в его органической взаимосвязанности с историей России.

Вот почему предпринимаем мы это издание, взяв на себя смелость изменить название, предложить самые минимальные комментарии к авторскому тексту (сохраняя присущую ему оригинальность), незначительно сократить его за счет "общих" сюжетов и сведений и завершить историко-краеведческую брошюру кратким биографическим очерком, который поможет читателям составить свое собственное представление о том, что завещал нам армавирский старожил и краевед, оказавшийся в пленау собственной нелегкой судьбы как знамения этого времени, в котором он жил и работал. Заранее уверены, что очень многие по достоинству оценят бескорыстный вклад Б.Л.Выродова в кубанское регионоведение. И будут гордиться своим земляком, простив ему жизненные прегрешения, в которых он был виноват далеко не только сам...

И последнее, кажущееся важным. В 1964 г. Куйбышевское книжное издательство опубликовало роман Ирины Корженевской "Дубовый листок", прямо затрагивающий декабристские сюжеты на Средней Кубани. Недавно перечитывая экземпляр, подписанный автором "в знак дружбы" Маргарите Сергеевне Данилькевич, я не мог избавиться от теплого чувства осознания прямой причастности к писательскому успеху и всех тех, кто питал художника слова достоверной, добротной историко-краеведческой информацией. А среди них был и Борис Львович Выродов, чье имя мы просто обязаны вернуть из "небытия".

Б.Б.ВИНОГРАДОВ

академик МАИ и АИП, профессор,
зав. кафедрой военной истории
АГПИ, заслуженный деятель науки
Российской Федерации.

ДЕКАБРИСТЫ К СРЕДНЕЙ КУБАНЬ

I. О МИРНЫХ ЧЕРКЕСАХ, НАСЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУ КУБАНЬЮ И ЛАБОЙ, НАБЕГИ ИЗ-ЗА ЛАБЫ. ГЕНЕРАЛ Г.Х. ЗАСС.

В 1836 г., в период командования правым флангом генерала Г.Х. Засса¹, пространство между Кубанью и Лабой можно было уже считать заселенным мирными черкесами. Многие из них были самим генералом Зассом выведены из-за Лабы, так как в желании спокойной жизни не хотели оставаться в аулах, которые продолжали охранять свою непокорность и подвергались казачьим набегам. Военная администрация, в том числе и генерал Засс, старалась всячески расположить к себе мирных черкесов, устанавливая прежде всего экономические связи. Среди них большее значение имели, например, меновые дворы, организованные в различных местах по Кубанской линии. Один из таких меновых дворов был организован в 1811 г. у крепости Прочный Окоп². Здесь был сооружен большой соляной склад, удовлетворявший одну из важных потребностей черкесского населения. Черкесы подвозили к меновому двору кожевенное сырье, овчины, воск, мед, сущение фрукты, орехи, черкесское сукно. Применяли лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. В Прочном Окопе происходила бойкая меновая торговля, весьма рентная обеим сторонам. Позднее большое торговое сживление происходило на организуемых ежегодно в Прочном Окопе ярмарках. Сюда прибывали, главным образом, русские купцы с Волги и Астрахани, а также местные армянские торговцы с предметами первой необходимости: мануфактурой, скобяными товарами, посудой и т.п. Открытие ярмарки сопровождалось большими торжествами. Играли военный оркестр.

Однако полного спокойствия на Кубано-Лабинской территории не было. Брахебио настроенные, как их тогда называли, — немирные горцы, руководимые феодальной верхушкой и прутурецким духовенством, время от времени организовывались в небольшие, но очень подвижные группы, единственной целью которых был грабеж и увод пленников. Их называли в те времена "хищниками" в отличие от доблестных джигитов, выступавших открыто, защищая свои родные места. "Хищники" прорывались из-за Лабы. Мстили своим соплеменникам, жившим в мире с Россией. Угоняли скот, производили разорения. Иногда эти про-

рии и не имели большого размаха и "хищникам" удавалось перебираться даже за Кубань и разбоинничать на просторах между станицами Прочноокопской, Каменисбродской, Григориполисской. Доходить даже к населенным пунктам вблизи Ставрополя. Здесь их привлекала возможность добывать пленников, за которых можно получить впоследствии хороший выкуп. Нападали врасплох на небольшие группы людей, удалившихся от станицы. Защищавшихся убивали. В плен брали не только мужчин, но и женщин и детей. Стариков, конечно, не брали. Особенно охотно пленили черкесов девушек. Их можно было выгодно продать в гаремы на турецких и египетских невольничих рынках.

В Армавирском музее имеется интересная запись о взятии чеченцами в плен на Фортадте крепости Прочного Окопа молодой женщины с грудным ребенком и девочкой-подростком. Этот материал, между прочим, был предоставлен музеем куйбышевской писательнице Ирине Корженевской, которая художественно использовала его в своем историческом романе "Дубовый листок".

К характеристике тревожного времени имеются в Армавирском музее фотоснимки, сделанные на старинном прочноокопском кладбище. На них изображены большие каменные надгробья с надписями, свидетельствующими о кровавых жертвах в результате чеченских налетов. В воспоминаниях старожилов Прочного Окопа долго жила история, когда налетчиками, воспользовавшимися сном вных пастушков, удалось угнать целое стадо телят. Еще и до сих пор это место происшествия в окрестностях крепости называется "Телячим бродом".

Помимо этих малых "хищнических" дей, имели место и весьма крупные события. Командующий Кавказской Линией и Черноморским генерал Алексей Александрович Бельминов³, соратник и друг генерала Алексея Петровича Ермолова⁴, в одном из своих докладов перечислял II особо крупных набегов, которые имели место в период его службы. Из них, например, нападение на Круглогорское, когда было взято огромное количество пленных и нанесены большие разорения. Правда, эти события произошли в более отдаленные времена и, тем не менее, они были долго памятны.

Не всегда, конечно, удавалось безнаказанно возвращаться налетчикам домой. Суд над ними был короткий и жестокий. Особенно при генерале Зассе, штаб-квартира которого находилась в крепости Прочный Окоп...».

Он являлся сторонником решительных мер и методы устрашения часто применялись им в его столкновениях с неприятелем. В военных кругах и среди солдат Засс получил прозвище "храброго генерала". А в чеченских аулах его называли "шайтаном". При всей своей подозрительности, он, однако, мог оказывать большое доверие отдельным аулам о мирными жителями. Засс смело высказывал идеи о привлечении мирных чеченцев к казачьему сословию и представлении им одинаковых прав с казаками. Он стоял даже за то, чтобы выдвигать достойных чеченцев на командные должности в русских войсках, не говоря уже о представлении им прав командовать милиционерами в горских отрядах местного ополчения.

Такому умному, справедливому и дальновидному военному деятелю, каким являлся генерал А.А. Вельяминов, приходилось даже сдерживать пыль генерала Засса в его далеко идущих рационализаторских предложениях. Вообще же генерал Засс у высшего командования был на хорошем счету. С ним советовались и давали ответственные поручения.

Между прочим, выдающийся декабрист А.А. Бестужев-Марлинский, несколько раз принимавший участие в зассовских военных экспедициях за Кубань (1835 г.), дал не плохую характеристику Зассу /см., "Материалы по изучению Ставропольского края": В.А.Попов "Бестужев на Кавказе" Выпуск I/.

Кроме Бестужева в ведении ген. Засса за время его пребывания на правом фланге, находились не мало декабристов, перемещенных из Сибири в качестве разжалованных в солдаты. И отношение к ним было самое предупредительное. В подтверждение приведем один интересный эпизод, записанный в воспоминаниях Н.М.Сатина (друга Герцена и Огарева), отбывавшего ссылку в г.Ставрополе.

В 1837 г. Засс стоял лагерем под Ставрополем. Н.М.Сatin находился в генеральской палатке в качестве гостя. В это время через лагерь из Сибирского поселения проезжала шестерка декабристов, о которых речь у нас будет идти еще впереди. Прибывшие декабристы должны были представиться Зассу. И вот по этому поводу Сатин сообщает в своих мемуарах:

"Когда адъютант доложил, что привезли из Сибири шестерых разжалованных в солдаты, Засс сказал: "Это декабристы! Просите их сюда!" Через несколько минут в палатку вошли шесть человек средних лет в полудорожных костюмах и несколько сконфуженные.

Но Засс тотчас ободрил их. Он принял их не как подчиненных, а как товарищей. Подали вина и скоро разговор сделался всеобщим, оживленным". /Цитируется по В.А.Попову "А.И.Одзевский на Кавказе". Материалы по изучению Ставропольского края. Выпуск 4, с.219/.

Мы несколько задержались на Зассе. Но это необходимо, поскольку подходим к одному из важных вопросов, где ген. Зассу отводится большая и ответственная роль...

II. ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ ВОЕННЫМИ ВЕДОМСТВАМИ ПО ВОПРОСУ О ПЕРЕНЕСЕНИИ КОРДОННОЙ ЛИНИИ С КУБАНИ НА ЛАБУ.

И вот, можно считать, с конца 1836 г. между Ставрополем (штаб-квартира командующего Кавказской Линией и Черноморьем генерала А.А. Вельяминова), Прочным Окопом (штаб-квартира командующего правым флангом, генерала Засса), Тифлисом (штаб-квартира Кавказского корпуса, возглавляемая бароном Розеном) и Петербургом (военное министерство, возглавляемое графом Чернышевым) – начинается оживленная переписка по разработке вопроса о необходимости перенесения кордонной линии с Кубани на Лабу.

В Агмавирском музее есть папка с некоторыми копиями из этой переписки, хранившейся в бывшей канцелярии Наместника на Кавказе и полученной музеем из Государственного архива Грузинской ССР (Тбилиси).

Переписка открывается отношением Главнокомандующего Кавказского корпуса барона Розена военному министру графу Чернышеву:

"Заботясь о возможном улучшении обороны Кавказской линии и находя, что перенесение передового нашего кордона с Кубани на Лабу будет иметь значительное влияние на безопасность большой дороги и центра Кавказской области, я поручил командующему Кубанской линией генерал-майору Зассу, в продолжении трехлетнего начальствования ~~данной~~

и хорошо ознакомившемуся с местностью между упомянутыми двумя реками, предоставить мне свое мнение о занятии Лабы... К сему неизменным считая присовокупить, что генерал-лейтенант Вельяминов в записке своей препровожденной мною к Вашему Сиятельству, между прочим также объяснил, что занятие пространства между Кубанью и Лабой нужно". Дальше идет "Предложение о занятии нашими войсками берегов Лабы".

Командующий Кавказским корпусом тщательно собирая необходимые материалы касательно перенесения Кубанской Линии. Возлагая большие надежды в этом направлении на генерала Засса, как на знатока казачьего быта и отдавая должное "его усердию и благородству", ба-

рон Розен, тем не менее, принимал все замечания и соображения осторожного генерала Вельяминова и всякий раз в своих отношениях высшей инстанции указывал на его особое мнение по тому или иному вопросу.

Так, например, генерал Засс предлагал в целях экономии военных резервов сократить до минимума Кисловодскую линию и перебросить оттуда необходимые силы на Табу. Генерал Вельяминов считал осуществление этой мысли более "вредной, нежели полезной", так как отвлечение пехоты Кисловодской линии для работ (имеется ввиду сооружение укреплений) и действий на Табе откроет путь к грабежам". Ген. Зассу, привыкшему действовать всегда быстро и оперативно, казалось, что создание Табинской Кордонной линии ее заселение казачьими станицами можно выполнить в течении одного года. Ген. Вельяминов заявляет, что переселение казаков на новые места не может быть сделано так скоро, как имечает ген. Засс, тем более, что сам Засс целесообразно предполагает: "для облегчения казаков в переселении дать 3-х летнюю льготу и, сверх того, в пособие по 100 руб. на каждого семейство; а принадлежащие казакам на теперешних местах сады, пельницы и другие заведения взять в казну, выдав их владельцам по оценке".

Для планомерного и безболезненного проведения всех этих мероприятий в переселяемых станицах и, принимая также во внимание трудности при освоении новых земель, конечно, следовало отдалить срок переселения.

II. ГЕНЕРАЛ А. А. ВЕЛЬЯМИНОВ – КОМАНДУЮЩИЙ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИЕЙ И ЧЕРНОМОРЬЕМ.

Вельяминов весьма осторожно подходит к вопросу о том, из каких станиц и по каким показателям можно в первую очередь выделять переселенцев, чтобы "не произвести чувствительного расстройства в их хозяйстве".

Говоря о переселенцах-казаках и о больных местах при их переселении, Вельяминов не упускает из виду и кровные интересы мирного черкесского населения, на территории которых должны явиться казаки. В этом отношении характерно следующее место из докладной записки ген. Вельяминова барону Розену от 18 апреля 1837 года:

"Поселение за Кубанью казачьих станиц, без сомнения, полезно, как я объяснял в прежних представлениях исих. Но с тех пор часть

II

удобных для поселения мест, которые были тогда свободны, заняты аулами горцев, выведенных из-за Лабы самим генералом-майором Зассом. Поэтому переселение казаков должно съобразить так, чтобы не отнять этим горцев в занимаемых ими землях. По причине покорности их, это было бы несправедливо, особенно в отношении к тем, которые выведены из-за Лабы в последние годы. Это возбудило бы неудовольствие стесненных".

Вельяминов, чутко отнесясь к судьбам покоренного народа, выражал свое беспокойство не только в отношении его права на земли и труд, но и на должное уважение его народных обычаяв. Это особенно выражалось в его высказываниях, касающихся судебных вопросов, возникающих среди горцев.

По этому поводу Вельяминов сообщает:

"Шариат или суд по корану между горцами не должно смешивать с судом по народным обычаям. Суд по корану дает слишком много влияния магометанскому духовенству, а потому полезнее склонять горцев к суду по народным обычаям. Русскими законами руководствоваться только в тех случаях, где правила народных обычаяев недостаточны".

Генерал Вельяминов был одним из выдающихся и прогрессивных кавказских военных деятелей. Чечесы с уважением относились к Вельяминову и верили честному слову этого справедливого человека. Когда после восстания декабристов А.И.Ермолов был навсегда отозван из Кавказского корпуса, одновременно с ним был снят и генерал А.А.Вельяминов. Правда, через два года он вновь получил назначение на прежнее место. О генерале Вельяминове имеются самые лучшие отзывы его современников (между прочим и творца бессмертной комедии "Горе от ума" А.С.Грибоедова, от которого Вельяминов был в восторге). Образ генерала Вельяминова правдиво показан в книге М.В.Неккиной "Грибоедов и декабристы"⁵.

В своих высказываниях по сложным вопросам переселения казаков и устройства новых станиц среди аулов мирных черкесов Вельяминов руководствовался искренними чувствами гуманизма, отстаивая по справедливости кровные интересы и казаков и черкесов.

Надо полагать, что Вельяминов имел возможность по этим наболевшим вопросам лично докладывать императору Николаю I, когда последний в 1837 г. совершал свою поездку на Кавказ. На обратном пути из Тифлиса Николай I проезжал в средних числах октября через Ставрополь. Вельяминов выехал ему навстречу в Георгиевск. Император был чрезвычайно любезен с Вельяминовым. И, когда царские экипажи тронулись из Георгиевска в путь, он предложил генералу сесть к нему в коляску.

Но строгий и принципиальный Вельяминов, ссылаясь на традиции сози-
дания деда этого этикета, предпочел сопровождать государя вер-
хом на лошади и тронуться на ней до самого Ставрополя, хотя чувство-
вал себя далеко не совсем здоровым.

Под Ставрополем к приезду Николая I энергичным и изобрета-
тельным генералом Зассом был разбит обширный, пестрый лагерь с
отрядами мирных черкесов, прибывших с Дебц, чтобы приветствовать
государя и показать ему высокие образцы своего искусства джиги-
товки. Эта встреча горцев привезла на императора благоприятное
впечатление.

Мы допускаем, что в Георгиевске и во время аудиенций в Став-
рополе Вельяминов мог использовать благоприятный момент для бесе-
ди с Николаем I по воду ~~щему~~ вопросу о перенесении кордонной линии на Дебц. Да и у самого императора, как мы увидим ниже, полу-
чившего во время путешествия через казачьи станицы некоторые впе-
чатления о настроении казачества, также могло возникнуть желание
выслушать мнение Вельяминова.

Так или иначе, но мы находим в известной уже нам переписке
определенные подтверждения нашим предположениям. Это — интересное
"отношение" военного министра графа Чернышева Командующему Кав-
казским корпусом барону Розену от 22 ноября 1837 года по вопро-
су о перемещении линейных казаков:

"Главная цель, — сообщает военный министр, — должна состоять
в том, чтобы переселение казаков совершилось со всевозможными выго-
дами и наименьшим их расстройством. При этом случае государь им-
ператор повелел сообщить вам, что во время пребывания на Кавказе,
линейные казаки жаловались его величеству на частые переселения
и просили не переводить их с места на место. Его величество из-
волит признать жалобы сии весьма уважительными, ибо ничто не мо-
жет быть отолько тягостно и стеснительно, как неуверенность в
собственном и ежечасном ожидании потери всего, трудами приобре-
теннего. Это убивает дух и отнимает всякую склонность к домохозяй-
ству".

В этих строках, несомненно, чувствуется известная доля тре-
воги не только императора, но и самого министра Чернышева, кото-
рому должны были быть памятными 1818–20-е годы, когда при его
непосредственной участии суровыми мерами подавлялись волнения,
окхватившие донское казачество.

Вообще памятным должен был быть для российского правительства конец XIX века, когда с Дона на Кубанские земли безоговорочно и на-
сильно переселялись казаки вместе с их семьями. И на Кубани были тогда волнения во вновь поселенных станицах. В памяти каза-
чества станицы Прочноокопской еще и до сих пор сохраниются обрывки воспоминаний о том, как бунтовала станица и сопротивлялась царскому произволу...

IV. ДАТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА УКРЕПЛЕНИЙ И СТАНИЦ НА ЛАБЕ.

Во всяком случае, разумные идеи, высказываемые генералом Вельяминовым относительно неторопливого и осторожного проведе-
ния всех намечаемых мероприятий на Лабе и заселения ее станицами, оказались жизненно верными. Вместо предполагавшегося генералом Зассом сокращенного срока осуществления всех мероприятий в один год, в действительности было приступлено к строительству защит-
ных объектов только в 1840 г., а к переселению станиц на Лабу – в следующем 1841 г. Согласно данным известного кубановеда В.С. Ширяя (см. книгу В.С.Ширяя "Хронология важнейших событий и законоположений, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска" (Екатеринодар. 1911), можно полу-
чить представление о датах сооружения тех или иных защитных объ-
ектов и поселения станиц в ближайшем окружении у современного г. Лабинска: 1840 г. – В июне месяце заложено и к октябрю окон-
чено МАХОШЕВСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ (где ныне Лабинск)

1840 г. – В мае заложена, а в октябре окончена по-
стройка НОВО-ГЕОРГИЕВСКОГО УКРЕПЛЕНИЯ (в 25,5 верстах от Прочно-
го Окопа на левом берегу р.Урупа). Устроен ПОСТ УРУПСКИЙ на р.Уруп, в 10 верстах ниже станицы Урупской.

1840 г. – Устроен ПОСТ СИНЮХИНСКИЙ на р.Синюхе (на
полпути из ст.Урупской в ст.Вознесенскую).

1840 г. – В ноябре на р. Лабе построено ТЕМИРГОЕВСКОЕ
УКРЕПЛЕНИЕ (ныне ст.Темиргоеевская).

1841 г. – Поселены станицы: ЛАБИНСКАЯ, УРУПСКАЯ,
ЧАМЛЫСКАЯ, ВОЗНЕСЕНСКАЯ.

1841 г. – Устроены АХМЕТОВСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ, ЖИТОМИР-
СКИЙ ПОСТ (ныне ст.Владимирская).

1842 г. – ЕГЕРУХАЕВСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ на р.Чамлык
(ст.Михайловская) Пости: КОРОТЮБИНСКИЙ (Чамлык), РОДНИКОВСКИЙ.

1845 г. - Поселенческие станицы НЕТРОПАВЛОВСКАЯ и МАХАЙЛОВСКАЯ.

1853 г. - Поселенческие станицы ЗАССОВСКАЯ и КУМ'АННАЯ.

Эти краткие сведения уже имеют существенное значение для археологических и леснических краеведов в их дальнейшей разыскательской и исследовательской работе, которая дает возможность получить ясное представление по таким вопросам: как происходило строительство лабинской КОРДОННОЙ ЛИНИИ? Какими трудностями это сопровождалось? Как заселялась лаба новыми казачьими станицами? Не было ли в связи с этим казачьих волнений? Как устанавливались взаимоотношения у поселенцев-казаков с земледельческими черкесами? Как разрешался щекотливый вопрос с пользованием прилабинскими землями?

У. МЕМОРАРИ ДЕКАБРИСТА А.П. БЕЛЯЕВА, КАСАМЫШСКОЙ ВОЕННОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ НА ЛАБУ И СТРОИТЕЛЬСТВА УКРЕПЛЕНИЯ
"МАХОМЕВСКОЙ ПРОСЕКИ" (у современного г. Лабинска)

Форулируя эти вопросы, мы считаем теперь же необходимым ознакомить читателей с одним из интереснейших и редких исторических документов, осведомляющим в известной степени историю строительства укрепления у современного г. Лабинска в 1840 г., носившего тогда наименование "Махометовской просеки".

Речь здесь идет об историческом документе, имеющем мемуарный характер. Мы имеем в виду обширные "Воспоминания в пережитом и прочувствованном", написание декабристом Александром Петровичем Беляевым, бывшим мичманом гвардейского экипажа, лично действующего в члене сводруждением нижних чинов вместе со своим младшим братом Петром Петровичем и приговоренных к 15-летней каторге и вечному поселению в Сибири. Братьев Беляевых отправили в оковах вместе с бывшим полковником Тарутинского полка михаилом михайловичем Нарышкиным и поэтом Александром Ивановичем Одоевским.

Мемуарами А.П. Беляева, близко заинтересовался в 1878 г. Л.Н. Толстой А.П. Беляев дважды встречался с великим писателем и по просьбе последнего передал ему рукопись своих "Воспоминаний". Л.Н. Толстой был восхищен и взволнован глубоким и правдивым содержанием этой рукописи. По настоянию Толстого - "Воспоминания" с пережитом и перечувствованным были напечатаны в историческом журнале "Русская старина" /сентябрь, октябрь и декабрь 1881 г./, а в 1882 г. вышли отдельной книгой под тем же заглавием.

"Воспоминания" охватывают огромный жизненный путь, пройденный вместе с обоями братьями Беляевыми. Представить полночь мемуары декабриста А.П. Беляева мы, конечно, не имеем возможности и предлагаем вниманию читателей только втэрну половину ХХ-ой главы с интересующими нас заголовком "От Кубани до Лабы". Передаем этот отрывок без сокращений и не прибегая к пересказу, чтобы дать почувствовать всю историческую правдивость описываемого пути по степным кубанским просторам и, вместе с тем, всю искусственность душевного настроения автора. Страницы этого мемориального документа, изложенные с удивительной скромностью и без всякой претензии на высокий художественный стиль, оставляют тем не менее впечатление настоящего художественного произведения, помогающего читателю ясно представить характерные особенности обстановки 40-ых годов прошлого века на Кубани и самий дух того времени.

Недаром в свое время Л.Н.Толстой так восторженно отзывался о "Воспоминаниях" декабриста и добился появления их в печати. Заранее предупреждаем, что в ХХ-ой главе "Воспоминаний" мы не найдем более или менее подробных биографических справок о тех или иных исторических лицах, упоминаемых Беляевым в этой главе. О них, конечно, не один раз рассказывается в других местах произведения декабриста. Считаем необходимым, прежде чем открыть перед читателем страницы ХХ-ой главы "От Кубани до Лабы", дать об этих лицах хотя бы некотэрое представление.

О генерале Зассе, который фигурирует в этой главе, мы уже многое узнали, знакомясь с содержанием линии на Лабу. А далее надо знать, что на строительство укрепления "Махошевская просека" пришла целая группа декабристов. Это дает право, без всякого преувеличения, сказать, что у колыбели родного лабинцам города стояли декабристы и что Лабинским патриотам надлежит серьезно заняться вопросом об увековечении памяти этих декабристов. Имена их называет автор "Воспоминаний" А.П.Беляев. О них несколько подробнее скажем и мы.

УІ. ДЕКАБРИСТ К.Е.ИГЕЛЬСТРОМ - ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ СТРОИТЕЛЕЙ УКРЕПЛЕНИЯ У СОВРЕМЕННОГО г.ЛАБИНСКА.

Среди шестерки декабристов, оказавшихся на строительство укрепления "Махошевская просека", мы прежде всего выделим Игельстрома К. Е., который являлся видным специалистом саперного дела, зарекомендовавшим себя с самой лучшей стороны в военных экспедициях с генералом Вельяминовым, проходивших в Баталкашинском районе. Не случайно попал он и к генералу Зассу на Лабинскую линию.

Константин Ефстафьевич Игельстром был командиром саперного Литовского батальона в Белостокской области. Принадлежал к членам Близкого к декабристам тайного "Общества военных друзей", которое одновременно с восстанием декабристов организовало в Литовском саперном батальоне выступление против Николая I.

К.Е.Игельстром являлся одним из руководителей "Общества военных друзей": Его приговорили к смертной казни. Николай I в отношении Игельстрома положил самую суровую разolutions: "Весьма повесить". В 1827 г. по ходатайству великого князя Константина Павловича, приходившегося крестным отцом Игельстрому, insteadный приговор был заменен вечной каторгой. Игельстром был отправлен на каторгу вместе со своим товарищем Вагелиним (о нем мы скажем позже). Тяжел был путь в Сибирь. Много пришлось претерпеть лишений. Значительную часть дороги пришлось пройти пешком этапным порядком вместе с уголовными преступниками. Обращение конвойных к начальников этапов было самое грубое. По прибытии в Читу Игельстром сразу очутился в дружественном кругу декабристов. Весьма общительный характером и одаренный многими практическими знаниями и навыками, Игельстром проявил себя быстро как хороший хозяйственник. Одно время он являлся заведующим хозяйственной частью товарищеской артели.

В совершенстве он владел портальным искусством и тем самым был полезен многим товарищам. Прекрасный доктор-декабрист В.Ф.Вольф был очень доволен Игельстромом, который проявил огромнейший интерес к медицине и стал одним из преданных помощников доктора. Большое участие всегда принимал жизнерадостный Игельстром в каторжанской само-деятельности.

В первой половине 30-ых годов Игельстром был переведен с каторги на поселение в г.Канске (Томской губернии). Канск представлял тогда заходустный городишко. Надо было как-то устраиваться и найти средства к существованию. Игельстром не растерялся и решил заняться мелочной торговлей в разнос. Другого выхода не было. К счастью, тоскливая и одинокая жизнь в Канске была непродолжительной.

В 1836 г. Игельстром был помилован и зачислен рядовым в Кавказский саперный батальон. В 1838 г. Игельстром был произведен в прапорщики за участие в экспедиции генерала Вельяминова. В этой экспедиции талантливый сапер Игельстром широко применил в военных операциях полученные им специальные знания. Генерал Вельяминов высоко ценил его. К моменту строительства укрепления у Лабинска Игельстром был произведен в подпоручики. В 1843 г. вышел в отставку и, выехал с Кавказа, проелился в Таганроге.

По характеру Игельстром был весьма привлекателен: прекрасный верный товарищ, он был всегда беззаботен, весел, оживлен, добродушен, любил музыку, сам играл на флейте, с которой не расставался и в условиях каторги и в кавказских походах. До конца дней своих сохранил он живой ум и горячее сердце.

Игельстром чрезвычайно любил отца, братьев и сестер, и свидание со всей семьей, съехавшейся к нему в гости, было лучшим моментом всей его жизни после 17-летней разлуки. Выйдя в отставку, Игельстром женился на Берте Бомсовне Эльзингк, с которой познакомился в Екатеринодаре еще в 1839 г. Игельстром умер в 1851 г. на 52-ом году жизни. Жена его была жива еще в 1906 году и оставила теплые воспоминания о своем муже-декабристе (В Армавирском музее имеется полная биография К.Е.Игельстрома).

УП. ДЕКАБРИСТ А.И. ВЕГЕЛИН.

Прежде всего отметим однополчанина Игельстрома – Александра Ивановича Вегелина. Состоя поручиком Литовского саперного полка, он отказался принести присягу Николаю I-му и был приговорен к сибирской каторге, куда значительную часть пути прошел пешком и в цепях. Был в тесной дружбе с Игельстромом и впоследствии вместе с ним поехал на Кавказ. Несколько лет Вегелин жил в солдатской слободе (Форштадт) у крепости Прочный Окоп. Там можно видеть место, где еще до Великой Отечественной войны находилась старинная изба, в которой размещался Вегелин. В Армавирском музее имеется фото этой избы. В 1859 г., в бывшей вегелинской избе в семье капитана Машкова родился будущий выдающийся путешественник в Эфиопии Виктор Федорович Машков.

После своего освобождения, спустя много лет, Вегелин был за границей. Встречался в Париже с выдающимся декабристом Сергеем Григорьевичем Воздвиженским – героем Отечественной войны 1812 года. Там же была теплая встреча с великим писателем Иваном Сергеевичем Тургеневым, который доверительно передал Вегелину важную рукопись для Александра Ивановича Герцина.

Вегелин скончался в Одессе в 1860 г.

УП. ДЕКАБРИСТ М.А. НАЗИМОВ.

На строительстве лабинского укрепления оказался и Михаил Александрович Назимов, бывший штабс-капитан лейбгвардии кирко-пионерского эскадрона /привлекавшегося также к саперным работам; саперы в начале

XIX в. назывались пынгерами/. Назимов был признан виновным "в участии в умысле бунта и принятии одного члена в обществе". Его причислили к II разряду, считавшемуся наиболее мягким по наказанию, и приговорили к ссылке на вечное поселение в Сибирь (в Виннов).¹

В 1830 г. был переведен в Курган Тобольской губернии. Назимов был довольно обеспеченным материально, благодаря средствам, присыпаемым ему родственниками. Азбуй и отзывчивый по характеру, он делился со многими из своих нуждавшихся товарищами. Помогая он и бедному населению Кургана, Заступил расположения курганцев и тем подготовил сочувственный прием в Кургане товарищам-декабристам, поселившим там с 1833 г. (супруги Нарышкины, Йордер, Лихарев, Розен и другие). В 1837 г. Назимов был переведен рядовым на Кавказ в крепость Прочный Окоп. Назимов отличался высоким умом, прямой и необычайной чувством справедливости. В годы ссылки на Кавказ поэт Михаил Ерьевич Лермонтова состоял в большой дружбе с последним. Будучи уже в преклонном возрасте (в 1875 г.) Назимов дал в одной из тогдашних газет сильную отповедь клеветчикам великого поэта. Назимов жил в Псковской губернии и принимал деятельное участие в реформах Александра II.

Дожил он до глубокой старости и умер в 1888 г.

IX. ДЕКАБРИСТ М.М. НАРЫШКИН.

Необыкновенно привлекательным характером отличался декабрист Михаил Михайлович Нарышкин, прибывший на стройку лабинского укрепления из Прочного Окопа.

В прошлом Нарышкин – полковник Тарутинского полка. Совсем винным принимал участие в Отечественной войне 1812 года. Приналежал к Северному обществу. Признан виновным "в знании об умысле на нарушение, но без согласия и с противоречием, только без доказательств". Приговорен на 15 лет каторжных работ и затем ссылке на поселение.

Нарышкин женился на графине Елизавете Петровне Коновницыной (отец ее был выдающимся героем Отечественной войны 1812 года). После отправления Нарышкина в Сибирь, жена его Елизавета Петровна последовала за ним. В 1833 г. Нарышкины были переведены на поселение в Курган, где жили в большом достатке, получая от родственников значительные средства. Это давло им возможность основательно поддерживать своих недостаточных товарищем и помогать местному бедному населению.

Н.М.Нарышкин занимался лечение окрестных крестьян и даже разъезжал по деревням; снабжая нуждающихся лекарствами. Значительные средства давали Нарышкинны возможность в условиях каторги (Чита, Петровский завод) и на поселении в г.Кургане иметь свои собственные дома. Это благоприятствовало созданию уютной и теплой обстановки, которая привлекала всегда к добрым и хлебосольным Нарышкинным их товарищей-декабристов. В Кургане, кроме последних, в качестве частых гостей у Нарышкиных появилась группа поляков, явившихся постаницами 1831 г. и сосланными в Сибирь на поселение. Вместе с поляками декабристы встречали Новый год. Евна Нарышкина - Елизавета Петровна, будучи прекрасной музыкантшей, играла на рояле и пела. Исполнялись не только русские, но и польские песни. Танцевали мазурку и Krakowią.

Лето 1837 года знаменовалось в Кургане приездом последника престола Александра в сопровождении своего воспитателя выдающегося поэта В.А.Жуковского, знавшего многих декабристов и сочувствию к ним относившегося. Не преминул он побывать у курганских декабристов, несмотря на то, что администрация города запретила им показываться на улицах. Все же им удалось видеть наследника на следующий день его приезда, когда по его приказу декабристы сбралились в церкви на богослужении. Наследник не вступал с ними в разговоры и, только раскланившись, молча вышел из церкви. Декабристы ходатайствовали перед наследником через Жуковского о разрешении вернуться им в Россию. Наследник писал об этом отцу Николаю I. Ответ императора был следующий: "Этим господам путь в Россию через Кавказ". И действительно, через два месяца городничим была получена депеша, согласно которой декабристы должны были явиться в Тобольск для отправки оттуда на Кавказ солдатами.

Таким образом, Нарышкин, бывший полковник, прибыл на Кавказ (г.Ставрополь) в качестве разжалованного в солдат осенью 1837 г. вместе с декабристами Казимовым, Одоевским, Лорером, Бихаревым и Черкасовым. Из г.Ставрополя Нарышкин был определен в Прочный Окоп, куда вслед за ним несколько позднее, прибыла и его супруга. Первоначально Нарышкины жили на частной квартире в станице Прочноокопской, а затем отстроили свой небольшой соотственный дом. В настоящее время бывший собственный дом Нарышкина уже не существует. На том месте, где он находился (центральная площадь) построена теперь пекарня.

Историческая справка с дома декабриста И.И. Нарышкина в ст.Прочинской дана по мемуарам декабриста А.П.Беляева и по повествованию, хранящемуся в семье армавирского ветерана гражданской войны Александра Никаноровича Марчихина, проживавшего раньше в ст.Прочинской. Согласно этому повествованию декабрист И.И.Нарышкин, приехал в станцию, поселился у краеда А.Н.Марчихина казака старовера Петра Николаевича Марчихина. Спустя короткое время Нарышкин построил на главной площади собственный деревянный дом.

В будние времена дом Нарышкиных являлся одним из притягательных культурных центров отчизны Прочинской. У Нарышкиных постоянно бывали гости. И не только товарищи-декабристы, но и лица из командного состава с их семьями. Населали Нарышкиных и родственники, приезжавшие из России. В доме была библиотека. Выпенчевались русские и зарубежные журналы. Имелось фортепиано, на котором играла Елизавета Петровна. К тому же она была прекрасной певицей. Были и другие музыканты. Среди них и указанный уже наш декабрист Гельстром. Особенно оживленно проходили вечера у Нарышкиных в период отдыха от военных экспедиций, приходившиеся обычно с ноября по март. В ярко освещенном доме было много видно. Каждому предоставлялась возможность по личной склонности провести здесь часы досуга. Играли в шахматы, карты. Читали свежие газеты и журналы. Слушали импровизированные концерты. Был традиционный русский чай. К моменту строительства Лабинского укрепления Нарышкин из рядовых солдат был произведен вunter-офицера... В лагерь укрепления он явился со своей большой и вместительной кибиткой, которую он вывез из Сибири.

Декабристам разрешалось иметь в походе свои палатки. Их называли "дворянскими палатками". Разрешалось разжалованым в солдаты декабристам иметь и свою верховую лошадь и даже слугу. Направляясь в лабинский лагерь, Нарышкин не забыл прихватить с собой шахматы, книги и журналы. И в вечерние часы отдыха гостеприимная нарышкинская кибитка наполнялась не только декабристами, но и офицерами. По словам декабриста А.П.Беляева, эти представители командования "относились к нам (т.е. к декабристам) самым дружеским образом и никогда не давали нам почувствовать нашего солдатского ранга".

В многочисленных воспоминаниях декабристов о своем товарище Нарышкине, последний предстает перед нами как весьма добный, спокойный и, вообще мягкий по натуре человек. Однако, в напряженные ответственные моменты он проявлял себя решительно и мужественно. Так, например, декабрист Д.И.Завалишин в своих "Записках" вспоминает один характерный эпизод с Нарышкиным во время пребывания декабристов в Чите:

"Караульный офицер, будучи пьян, сказал грубость жене декабриста Муравьева. Нарышкин, присутствовавший при этой сцене, самый кроткий человек среди нас, сбросил офицера с крыльца. Нарышкина намерены были судить. Но к счастью горный начальник Смольянинов засвидетельствовал перед комендантом, который его особенно уважал за его примерную честность и добросовестность, что офицер был действительно пьян. Дело кончилось переводом офицера в другую команду".

X. ДЕКАБРИСТЫ БРАТЬЯ А.П. И П.П. БЕЛЯЕВЫ.

Упомянув о декабристе Александре Петровиче Беляеве, мы неслыханно подробнее остановимся на нем и его младшем брате Петре Петровиче. Жизнь этих двух братьев-декабристов была тесно связана почти до самой смерти Петра Петровича. Особенно память о себе оставил старший А.П.Беляев, которому принадлежат прекрасные мемуары под заглавием "ВОСПОМИНАНИЯ ДЕКАБРИСТА О ПЕРЕЖИТОМ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМ", охватывающие огромный жизненный путь, пройденный вместе обеими братьями, начиная с детства, которое проходило в трудолюбивой и высоко моральной обстановке семьи.

Оба брата Александр и Петр, несмотря на разницу лет, одновременно поступили в Петербургский морской кадетский корпус. В 1817 г. они были выпущены из корпуса гардемаринами. Их интересовались Вольтером, Руссо и французскими энциклопедистами. Затем им пришлось практически знакомиться с политическими событиями, происходившими в Западной Европе, когда они отправились в первое свое плавание на фрегате "Прогресс".

Сначала братья прибыли к берегам Исландии. Оттуда направились к Гибралтару. Здесь впервые они услышали гимн Риего и познакомились с испанскими революционерами. По этому поводу А.П. Беляев пишет в своих воспоминаниях:

"После нашего плавания в Испанию, где мы видели подвижников испанской свободы, где сошлись с свободолюбивыми англичанами, где слушали марш Риего и с восторгом поднимали бокал в его память, мы,

конечно, сделались еще большими энтузиастами свободы". Во время плавания братья Беляевы познакомились с Арбузовым, Бодиско, Николаи Бестужевым и другими моряками - будущими декабристами. Оба брата принимали участие в восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Мичманы гвардейского экипажа Беляевы были обвинены в том, что "знали об умысле на цареубийство и лично действовали в мятеже с возбуждением низких чинов". Они были приговорены к 15-летней каторге и вечному поселению в Сибири". Их отправили в оковах вместе с И.И.Нарышкиным и декабристом-поэтом Александром Ивановичем Одоевским.

Беляевых и их спутников удивило необыкновенное сибирское изобилие и радушное гостеприимство сибиряков. В Тобольске они отдохнули в гостеприимном доме полицмейстера и были очень хорошо приняты губернатором Бантый-Каменским. Повсюду к ним сочувственно относились и простые люди.

Беляевы на всю жизнь сохранили светлые воспоминания о времени своего сибирского заключения, особенно в Петровской тюрьме.

"Там были собраны, - сообщает восторженно Александр Беляев, - люди действительно высокой нравственности, добротели и самоотвержения, и тут было так много пищи для ума и сердца, что можно сказать, заключение это было не только отрадно, но и служило истинной школой мудрости и добра".

Братья Беляевы были самыми вными узниками среди других декабристов, умудренных жизненным опытом и обладавших многими знаниями. И неудивительно поэтому, что оба брата с усердием принялись за изучение английского языка, истории, литературы и философии под руководством своих старших товарищей. Они очень высоко ценили свой каторжанский университет. И недаром в своих воспоминаниях Александр Беляев искренне признается: "Если бы мне теперь предложили вместо этой ссылки какое-нибудь блестящее в то время положение, то я предпочел эту ссылку".

Срок каторги для Беляевых, как и для других декабристов, сокращался и наступила пора распределения их на поселение. Беляевы сначала попадали на Лену. Затем в 1833 г. они были переведены в небольшой сибирский городок Минусинск, где скоро сошлись со всем местным обществом и занялись серьезно сельским хозяйством, способствуя улучшению земледельческой культуры в Минусинском округе. В конце-концов организовали большое хозяйство.

Развели до 200 штук рогатого скота и занялись выработкой масла. Все это было поставлено у них в самом образцовом виде и оказывало большое влияние на местные хозяйства.

Интересы Беляевых не ограничились одним сельским хозяйством. По просьбе мещан, крестьян близких деревень и некоторых чиновников они открыли школу, в которой обучали детей чтению, письму, арифметике, географии и русской истории. Сами Беляевы предохраняли свое самозаревание и особенное внимание уделяли английскому языку.

За семь лет своего пребывания в Минусинске эти энергичные декабристы настолько были довлеены своей судьбой, что и не искали с лучшим.

Но вдруг в 1840 г. последовало распоряжение перевести их родными на Кавказ.

XI. ОТЪЕЗД ДЕКАБРИСТОВ БРАТЬЕВ БЕЛЯЕВЫХ НА КАВКАЗ.

Распрощавшись тепло с Минусинском, Беляевы двинулись в путь. Путешествие было приятно и богато впечатлениями и замечательными встречами с родными, близкими и даже с налознакомыми людьми. Ехали они в удобном собственном тарантасе без сопровождавших гвардейцев.

От Минусинска Беляевы ехали через Краснодарск, Екатеринбург и Симбирск. Напряженные думы братьев-декабристов были направлены к неизвестному ближайшему будущему. Что ожидает их там впереди? А.П.Беляев пишет по этому поводу:

"Впереди для нас солдатская неволя, жизнь, которую нам суждено пройти снова, чтобы этим путем терпения иметь право возвратиться на родину. Мы тогда еще не знали, что Кавказ встретит нас дружескими объятиями товарищей, чудной величественной природой, подарит нам доблестных благородных друзей между закаленными воинами, введет в оруду милых добрых семейств и, что он будет для нас во всей жизни самым приятным воспоминанием".

Путешественники благополучно проплыли мимо Царицына (ныне Волгограда) и добрались, наконец, до Астрахани. Военным губернатором тогда был генерал Тимирязев. Жена его приходилась родной сестрой декабристу Вадковскому. Узнав о приезде Беляевых, она пригласила их к себе и приняла радушно и ласково, расспрашивая о брате и всех подробностях жизни в заключении.

От Астрахани дорога шла к Кизляру. Братья Беляевы ехали на двух тройках безводными степями. За Кизляром увидели бурный Терек и впереди познакомились с караульными вышками казачьих постов. Здесь уже пахло порохом. Чувствовалась боевая настороженность. Но везде их встречало лаское радушие.

Путь лежал далее к Владикавказу, бывшему тогда грозному укреплению и ключом к горному проходу в Грузию и Закавказье. Братья Беляевы были покорены величием и красотой этих мест.

Конечным пунктом путешествия был Тифлис. В Тифлисе они явились к начальнику штаба генералу Коцебу. Встреча с ним и результаты ее были весьма приятны для обоих. В связи с этим Александр Беляев сообщает в своих "Воспоминаниях":

"Генерал Коцебу принял нас очень любезно и спросил, в который полк мы желаем записаться: здесь ли за Кавказом или на Линии. Мы пожелали последнего, так как там были наши товарищи декабристы в отряде генерала Засса на Кубани: Н.И.Нарышкин, М.А.Назимов, А.И. Вегелин".

Под сильным впечатлением от грузинской столицы и ее приветливых людей, Беляевы отправляются в обратный путь по Военно-Грузинской дороге через Владикавказ, на Георгиевск, Ставрополь и Прочный Окоп. И вот они уже вблизи долгожданной станицы. Здесь друзья, которых они не видели сеять долгих лет: Нарышкин, Назимов, Вегелин. Нет только бедного Александра Ивановича Одоевского. О его смерти они узнали еще во время пребывания в Ставрополе.

Подъезжая к Прочноокопской, братья особенно почувствовали остроту безвременной утраты поэта-декабриста. Когда-то их вместе с Одоевским в одной партии отправляли закованными в каторгу. Когда-то они с восторгом в своем каторянском университете слушали его увлекательные лекции по литературе. Братья Беляевы вспоминали его пламенные стихи. Перед самой станицей они проехали мимо казачьего пикета, мимо почтовой станции с караульной полосатой будкой и шлагбаумом. (Место бывшей почтовой станции в ст. Прочноокопской находится на современной улице Петровской, недалеко от поликлиники). Здесь проходит памятная дорога, по которой в 1820 году проезжали герой Отечественной войны 1812 г. генерал Н.Н.Раевский со своей семьей и юным поэтом А.С.Пушкиным.

Предлагаем теперь читателям отрывок из XX-ой главы "Воспоминаний о пережитом и перечувствованном" декабриста А.П.Беляева⁶.

XII. ОТ КУБАНИ ДО ДАБЫ (ИЮЛЬ 1840 г.)

"Пробыв в Ставрополе дней шесть, мы отправились в станицу Прочный Окоп, штаб-квартиру Кубанского казачьего полка. Тут мы нашли из наших товарищ однога Михаила Александровича Назимова, который сообщил нам сведения относительно нашей будущей службы, об экспедициях, о всем, что необходимо иметь для походов. Сообщил нам, что здешнее начальство разрешило нашим товарищам в походе быть верхом, иметь выбочную лошадь для вещей, как все офицеры кавказских войск в экспедициях. Но, разумеется, мы должны были носить солдатские пиджаки и иметь за плечом солдатское ружье и патроны. По его же совету, мы заготовили себе вышки и лаштадей. В это время приехал генерал Засс и мы отправились являться к нему в крепость Прочный Окоп, расположенной в одной verstе от станицы. Мы представились генералу и были приняты им очень радушно.

Генерал Засс был еще молодой, средних лет человек, высокий и стройный. Он носил серую черкеску с кинжалом у пояса, — общий костюм черкесов и казаков; с проницательными голубыми глазами, с огромнейшей длины русыми усами, огромным носом и чрезвычайно живыми движениями. Он и наружность своей поддерживал мольбу о его подвигах. Он приказал нам отправляться в отряд к своему полку, но ни слова не сказал об экспедиции. Он терпеть не мог, чтобы кто-нибудь знал о его преднамеренных движениях или выражал свои соображения об его планах. Их никто не знал, так таинственно он вел свои дела.

От него мы пошли к нашему товарищу Вегелину, который на Форштадте занимал небольшую комнату, безукоризненно спрятанную, с белейшими полами и сетками в окнах от мух, комаров и мошек.

Александр Иванович Вегелин, личность очень занятая собой, любил покой и возможный комфорт. Он был всегда серьезен и важен, смотрел на все критическим взглядом, выражался докторально, хотя и нельзя сказать, чтобы толково. Любопытно, что все наши товарищи прозвали его диктатором. Он с другими его товарищами по Литовскому корпусу Игельстром, где они оба командовали саперными ротами, за отказ присягнуть Николаю, были осуждены в работы и присланы к нам в Читу и оттуда выпущены раньше нас.

Мы застали их на Кавказе: Вегелина — портупей-прапорщиком, а Игельстрома — офицером, командовавшим полу-ротой сапер. Игельстром был совершенно противоположностью Вегелину.

Это был школьник, в полном смысле слова, всегда веселый, беззаботный и действительно несносный, когда хотел кому-нибудь надоесть. Но оба они были славные личности, благороднейших и честнейших правил и добрые товариши.

Получив приказание отправляться в отряд, где ожидали движения, мы, возвратившись на квартиру в станицу и приготовив все к походу, сели на коней и отправились сперва в крепость, чтобы захватить Вегелина, который тоже отправился в отряд. М.А.Назинов уехал еще раньше.

У Вегелина был слуга из России, издревле малый, а нам генерал Засек дал донского казака. Мы уложили все наши вещи в телегу и направились к Кубани. Крепость была расположена на высокой горе, и дорога вниз к реке была высечена в скале, имея с одной стороны отвесную стену, а с другой кругой скат, поросший луговую зеленью травой. Мы с Вегелиным ехали верхом, а брат присел сзади на повозку, но потом сбежал. И только что слез с повозки, как лошадь в возу как-то оступилась. Телега попала на край кручи и в тот же момент опрокинулась. Лошадь, кучер, вэз — все это полетело вниз. Мы, конечно, были уверены, что и лошадь и человек были убиты, так как вэз, по крайней мере, пять или шесть раз перевернулся, пока долетел до низу. И что же?! Оказалось, что вэз даже не развязался, так крепко он был увязан. Лошадь осталась невредимой, человек тоже, только на несколько минут как-будто потерял сознание от страшного кружения.

Гора эта составляла берег Кубани и была очень высока. Отделившись так счастливо и спустившись вниз, переправились за Кубань вброд. В то же время в отряд шел казачий полк, с которым мы и располагали идти вместе. Но потом узнали, что полк остался дневать на той оторочке реки.

Пускаться в ночь одним было опасно, то и мы тоже расположились на ночлег возле полка. Под большим ветвистым дубом мы разсыпали свои бурки, велели разложить костер, поставили чайник и, осушив его, передали чай и сахар людям, а сами улеглись спать. Безграничная степь, ароматный чистейший воздух, шум быстрой Кубани скоро и сладко нас усыпили. Фырканье лошадей и собравшихся хотя и предвещали дождь, но ночь прошла спокойно. С рассветом мы пустились в путь и только что тронулись с места, как началась гроза и пошел дождь. Но бурки и башники не дали нам его почувствовать, да и к счастью на всему и дождь шел с перерывами и часто разъяснявало.

Вся дорога от Кубани до Лабы, где стоял наш отряд простидалась на 50 или 60 верст и вся эта сторона Кубани находилась во владении мирных черкесов, обитавших по берегу Кубани.

Несмотря на то, что тут часто появлялись хищнические партии, переходившие через Кубань для грабежа. Они угоняли скотину у казаков на Линии, а иногда и у своих братьев, мирных черкесов. Так однажды, года два тому назад, — как рассказывал нам казак, — отправлено было 26 донских казаков для следования в какую-то крепостицу. На реке Чамлыке, единственной на этом пространстве, они остановились напоить своих лошадей, а затем пустились дальше, но к несчастью, в беспорядке, без всякой предосторожности. Одни уже выехали, другие доседливали лошадей и один за другим выезжали, растянувшись на большое пространство. Как вдруг передовые на отдаленном кургане — увидели что-то черное. Но как там очень часто встречаются огромной величины орлы, которые садятся на вершины курганов, то они и приняли этот черный предмет за орла, однако же мгновенно исчезнувшего. Это был черкес в бурке, которая расширенная, действительно, представляет издали подобие орла. И это — постоянная уловка хищников. В тот же момент из-за кургана помчалась на них целая хищническая стая, человек во сто. Казаки растерялись от неожиданности. Некоторые стали стрелять, другие отбивались шашками. Но все были разрознены. Дело окончилось тем, что 19 человек были убиты, а остальные взяты в плен.

Слушая рассказ казака об этом и о других происшествиях, мы сами вдруг увидели вдали что-то быстро несущееся против нас. По пересеченной же местности мы не могли сначала рассмотреть, что это такое, так как при спусках они пропали, а при подъеме показались снова. Когда мы увидели человек шесть или восемь всадников в черкесских папахах, с винтовками за спиной, то признались, несколько сконфузились, хотя и приготовили свои ружья. Казак нам, также как и мы, призвал их за черкесов, но не знал ли то были или хищники, внезапно пустился в сторону от дороги, что нам можно покаться за бегство. Но он, сделав полукружие, возвратился на дорогу. Вслед за этим маневром мы увидели, что из той партии отделился также один всадник и, сделав такое же полукружие, возвратился. Тогда только нам казак растолковал, что это условный сигнал между нашими и мирными черкесами. Если же с той стороны не повторится сигнал, то надо готовиться к бою или пускаться на утес, когда силы бы-

ли несоразмерны. Это был посланный из лагеря на Линию с депешей от генерала или штаба. После этой встречи, которая произошла почти на половине дороги, нам оставалось до Чамлыка верот десять. Мы очень обрадовались этому привалу с водой и под сенью дерев, росших на берегу. Разумеется, мы и до этого отдыхали раза два, так как расстояние было и нам, уже отыкшим от верховой езды, в которой упражнялись в Сибири, проехать его было трудновато.

Около Чамлыка тянутся небольшие возвышенности, на одной из которых тогда уже был выстроен казачий пост, человек на 80. Строились также казарма, офицерские квартиры, конюшни и все это окружалось канавой и валом. На высотах по дороге уже поставлены были казачьи пикеты с вышками для наблюдения за появлением неприятеля, так что крепостица была совершенно безопасна от внезапных нападений.

Когда лошади наши выкормились, мы отдохнули, закусили хлебом с водицеей, так как располагая выступить с Кубани еще перед вечером с казачьим полком, мы не взяли с собой съестных припасов, надеясь все это найти в лагере у маркитантов и пустились уже в окончательный путь.

От Чамлыка до Лабы, где стоял отряд, было 10 верст. На этом переходе — так же степь и тоже богатая растительность. По всей дороге беспрестанно попадались красивые зеленые и красноватые ящерицы, очень крупные. Они проскальзывали около ног лошадей и грациозно поднимались и как бы с удивлением смотрели на незванных гостей, нарушивших их незыблемый покой, под тенью ароматной и густой травой.

Подъезжая к лагерю, мы увидели многочисленную команду солдат, косивших эту раскошную траву, склоненные ряды которой поклоняли на вали более аршина вышиной. Тут же попадались нам фуры, идущие от лагеря на Линию, вероятно, за провиантом. Наконец около самого лагеря мы увидели верблюдов, которых так испугались наши лошади, что едва можно было их сдержать.

Две стороны прямоугольника занимали 4 батальона нашего Кабардинского полка и артиллерия. Третий фас занимала кавалерия, казаки и милиционеры, а в четвертом новостроившаяся крепость, под названием Иахшевской просеки. В центре возвышалась большая палатка с крестом — это была походная церковь. Подъехавшим к указанному месту мы увидели знакомую нам врту, в которой кочевали во время перехода

нашего из Читы в Петропавловский и которую так часто посещали потом при наших хозяйственных разъездах в Минусинск. Товарищи наши уже ожидали нас. Мы крепко-крепко обнялись, как старые друзья, несколько лет пившие одну горькую чашу, соединившую нас неразрывной и самой сладостной братской дружбой. Нас поместили в юрте, напоили чаем, накормили, что было очень кстати после такого перехода и голодухи. В расспросах, ответах и рассказах время пролетело быстро. Затрубили зарю по сигнальной ракете и пушечному выстрелу. Потом раздалась общая молитва.

И вот мы снова воины, теперь уже в неприятельской стороне, под навесом палаток и юрт, среди товарищней, о которыми сроднились в течение заключения. А между теми, которые там еще оставались, и нами теперь уже легко пространство на многие тысячи верст. Все, что нас окружало, уже не похоже ни на море, ни на Петербургские лагери, ни на мирную и трудолюбивую жизнь тишайшего Минусинска.

Тут все ново для нас, все интересует, возбуждает дух, воинственно настраивает, и теперь даже не остается и тени того раздумья, тех опасений, которые приходили в голову на пути к Кавказу и иногда щемили сердце и обращали взоры к мирной прежней жизни — спокойствию и довольству. Но это было дурное неблагодарчее чувство маловерия и малодушия. Теперь мы уже не обращались назад.

Из наших товарищней-декабристов в отряде были:

Михаил Михайлович Нарышкин, Михаил Александрович Назимов, Александр Иванович Вегелин, Константин Евстафьевич Игельстром.

Когда мы приехали, то в юрте Нарышкина всех нас помещалось шесть человек. Отряд строил Махачевское укрепление и поэтому мы стояли на месте. Однажды только при нас генерал Засс сделал один из своих летучих набегов, тронувшись с кавалерией перед вечером и приказав следовать за собой одному батальону пехоты. Аул был, конечно, уничтожен и Засс возвратился.

В отряде нашем было прекрасное общество офицеров, много прикомандированных гвардейцев и штабных, а также их пехотных закаленных в бою кавказских офицеров, и время проходило весьма приятно. Тут мы сошлись с Петром и Сергеем Павловичем Мезенцовыми. Петра Павловича я вследствии потерял из виду, а Сергей Павлович был убит в Севастополе, уже командиром полка, присоединившись к сонму героев, павших за честь отечества и изумивших мир своим непобедимым мужеством. В этом же отряде был Краснокутский, еще юношей, поручиком, сколько помнится, Гродненского гусарского полка, а потом уже генерал-адъютантом, племянник бывшего товарища Краснокутского, с которым мы виделись в Красноярске проездом на Кавказ.

Лев Сергеевич Пушкин, брат поэта, был постоянным посетителем нашей арти, очень приятный и веселый собеседник и эст्रяк, перед которыми, помни, за час ставилась всегда бутылка рома, осушалась им между разговорами, не производя на него никакого действия, — так он был крепок. Инкер Чернов также был близок с нами. Он перешел во Владикавказский казачий полк и потом уже в Турукскую кампанию в армии генерала Чуральева-Карского, командовал со славой летучим отрядом, о чем я с удовольствием прочел в газетах. Два брата Атарщикова, близнецы, удивительно похожие друг на друга, состояли при генерале Зассе.

Я упомянул только о тех, с которыми мы были короче знакомы, но сверх того часто бывали у нас наши батальонные командиры, которые относились к нам самым дружеским образом и никогда не давали нам почувствовать нашего солдатского ранга.

Хотя периодические издания получались редко, но были книги, пакистаны, военные рассказы о текущих делах и хищнических набегах, веселые шутки и шалости молодежи, в которых особенно Игельстром был неистощим. Он был, как я прежде упомянул о нем, премилый человек, но когда он выбирал свою жертву, то нужно было иметь не только терпение, но и много короткой дружбы, чтобы не рассердиться не на шутку. Более всех он преследовал своими шалостями своего товарища Вегедина, который после сбоя всегда ложился спать на своей, из кольев и щедней, устроенной постели, под пологом, чтобы ни муки, ни комары не тревожили его сна. Но на беду, являлся Игельстром. Набирал несколько мух, подкладывался к его ложу, осторожно приподнимал край полога и пускал мух, наблюдая за их партизанским действием. Все мы, смотревшие на эти проделки, сдерживали смех, чтобы не ускорить пробуждения. Через несколько минут Вегедин начинал отмахиваться — ся, вопрося мух — откуда они забрались, несмотря на тщательно застянутые полы, поднимая край полога, выгоняя мух и снова укладываясь. Гонитель же его, выждав храпение, снова повторял операцию. Тот снова выгонял мух и, услыхав сдержанный смех догадывался и говорил с досадой: "Уи это верно несносный школьник Игельстром".

Еще в лагерной жизни приятное развлечение составляло купание на реке Йабе, весьма быстрой и светлой, где всегда было много солдат купающихся. Ежедневные прогулки по лагерю, всегда оглашаемому молодежными, и иногда и очень затрагивающими сердце песнями солдат, из которых мы запомнили и внесли с собой одну, петую превосходно при-

шедшими из России маршевыми батальонами: "реченька моя, речица быстрая", мотивом своим производившую чрезвычайно грустное и в то же время приятное впечатление. Служились и кутежи в некоторых офицерских палатах с пением, бубнами и пляской. Когда генерал бывал в лагере, то около его избы по временам играла музыка. Вообще, при новых для нас ощущениях и новых явлениях, жилось приятно. Но это продолжалось недолго.

Наш Кабардинский полк был вызван в трехбатальонном составе на левый фланг для действия против возмущенных Шамилем чеченцев. Один первый батальон оставался, остальные же выступили через Ставрополь на Тerek. Мы простились с М.М.Нарышкиным и М.А.Назимовым и супругой Нарышкина Елизаветой Петровной, жившей в станице Прочный Окоп и отправились за полком. При этом переходе, погода была прекрасная, ночлеги и дневки в чистеньких казачьих хатах самые спокойные. Вступление в станицу с военной музыкой, не слышанной нами в течении 15-ти летнего заточения, и теперь снова напоминавшей нам о давно минувшем. Новый край, ожидание дел с горцами, надежда на выслугу и возвращение на родину – все это вместе взятое – производило в нас самое приятное настроение.

Переправившись через Тerek, не доходя станицы Червлennой, штаб-квартиры Гребенского полка, мы пошли на крепость Грозную, где и стояли лагерем вместе с другими полками Чеченского отряда, в ожидании командующего войсками генерала Павла Христофоровича Граббе, который вскоре и прибыл. Объехавши выстроившийся отряд и поздоровавшись с батальонами, он приказал выступить. Загремели барабаны и трубы. Затем раздались звуки воодушевляющей музыки и отряд тронулся в боевом кавказском порядке"...

XIII. МЕМУАРЫ А.П. БЕЛЛЕВА ПОДТВЕРЖДАЮТ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТЫ ПРОШЛОГО НАШИХ МЕСТ.

Отрывок из главы "Воспоминаний" декабриста А.П. Беллева является, несомненно, важнейшим историческим документом, воспроизводящим правдиво и художественно один из эпизодов интересующего нас времени – освоения русским командованием р.Лабы.

Этот мемуарный отрывок особенно дорог нам в том отношении, что в нем мы находим весьма точные указания на факты историко-географического порядка. Дело в том, что для армавирских и прочноокских краеведов не совсем ясным всегда представлялось наше географическое окружение в далеком прошлом.

Высказывались порой самые невероятные предположения относительно ряда географических точек на территории правобережья Кубани против современного Армавира...

Многие обыватели в Армавире и в станице Прочноокопской считают, что станица Прочноокопская и крепость Прочный Окоп – это одно и тоже, т.е. крепость находилась в самой станице, а на территории современного Фортштадта, где мы видим валы, была "Фортштадтская крепость".

Какое курьезное название крепости! Мы нарочно взяли его в кавычки. А что представляет собою Фортштадт, находящийся против? В настоящее время это наименование колхоза, полученное от старинного нарицательного слова "Фортштадт" (без буквы "д"). Дословно "перед городом", "перед оградой", "перед крепостью" – вот что означает "Фортштадт".⁷

В прошлом столетии на Кавказе по кордонным линиям Кубани, Терека, Сунжи многие крепости имели свои "Фортштадты" (писалось с маленькой буквы). "Фортштадт" представлял собою предместье крепости, слободу, где жили отставные солдаты и солдатские семьи. Такие слободы-форштадты находились у крепостей: Грозная, Владикавказ, Ставропольская крепость. Был свой фортштадт и у крепости Прочный Окоп.

Проследите теперь внимательно по первым страницам мемуарного отрывка А.П.Беляева, где находилась интересующие нас географические точки, по которым он проходил в первый день своего приезда в станицу Прочный Окоп (не в ст.Прочноокопскую, а именно в ст. Прочный Окоп; так именует ее везде А.П.Беляев).

"Пробыв в Ставрополе дней шесть, мы отправились в станицу Прочный Окоп" – сообщаем Беляев. И далее: "В это время приехал генерал Засс и мы отправились явиться к нему в крепость Прочный Окоп, расположенный в одной версте от станицы" (на самом деле несколько дальше). "От него т.е. от генерала Засса, находившегося в крепости, мы пошли к нашему товарищу Бегелину, который на форштадте нанимал небольшую комнату". Еще дальше через страницу обращаем внимание на следующие строки: "Получив приказание отправляться в отряд, где ожидали движения, мы, возвратившись на квартиру в станицу и, приготовив все к походу, сели на коней и отправились сперва в крепость, чтобы захватить Бегелина".

Уже из выше приведенных выдержек "Воспоминания" Беляева для нас ясно становится, что речь идет о самостоятельной территории, занятой станицей Прочный Окоп; о находящейся от нее отдельно кре-

пости с одноименным названием – Прочный Окоп и примыкающего к крепости на короткой расстоянии форштата. При самом основании и крепость и станица получили одно и то же название. Станица первоначально была поселена на территории современного рабочего поселка Кирпичного завода № 2. Жителями ее являлись казаки, выведенные с Дона вместе со своими семьями. Здесь удобно было пользоваться водой, рыбными и лесными богатствами. В первые годы жители были довольны. Затем год от году стали беспокоить разливы Кубани, наносившие станице стихийные бедствия. Приказом генерала Ерилова ст. Прочный Окоп в 1816 – 17 г. была переселена на ее современную территорию⁸.

Следует указать, что первоначально /согласно ставропольским материалам / на месте крепости, примерно с 1784 г., находился редут под названием "Прочный". Затем через десять лет этот редут / всего на 100 чел. бойцов / после капитальных работ был преображен в грозную крепость кавказским генерал-губернатором Иваном Васильевичем Гудовичем. Крепость получила после этого наименование Прочного Окопа. Сооружены были вокруг нее внушительной высоты валы и глубокие рвы. На валах не было никаких стен. Внутри крепости находились однозэтажные, но крепкие здания из кирпича и камня. Крепостные постройки держались еще до 1923 г., но затем стали безнадзорными и разобранными по кирпичику жителями Форштадта и станицы Прочноокопской. Так стихийно на глазах у всех исчез один из памятников старины – бывшая грозная крепость Прочный Окоп (см. план крепости в Армавирском музее)...

Однако, обратим еще внимание на примечательное место в "Воспоминаниях" декабриста Беляева. Оно дает прекрасное представление о рельфе местности и ближайшем окружении бывшей крепости.

Руководствуясь этим кратким описанием, мы сразу узнаем с каких местах идет здесь речь. Это, прежде всего, известная всем нам "Форштадтская дорога", поднимающаяся недалеко от рабочего поселка Кирпичного завода № 2. Дорога эта, действительно, пробита среди очень плотных грунтов, а местами среди скальных пород, так называемых "каравайных" "песчаников". И отвесная стена и крутой скат от края дороги, все эти приметы из описания Беляева полностью соответствуют тому, что мы увидим, пройдя снизу до конца дороги. Наверху она поворачивает к востоку и проходит нас к валам. И уже нет никакого сомнения в том, что перед нами не какая-то мифическая "форштадтская крепость", а подлинный и основательно забытый Прочный Окоп, одна из сильных крепостей с богатым историческим прошлым.

Для полноты нашего убеждения обратимся еще к редкой карте Кавказской области, составленной выдающимся кубановедом Е.А. Фелицианом (в Армавирском музее хранится фотокопия с части этой карты). Здесь мы найдем крепость Прочный Окоп энзис по течению реки Кубани на ее современной территории. На карте показаны не только укрепления и редуты, но и казачьи посты, расположенные вдоль Кубани, Урупа, Чамлыка, Лабы и т.д. Получается довольно впечатляющее представление о защитных линиях и отдельных оборонных точках времен Кавказской войны.

XIV. ПРОЧНООКОПСКО-ЛЕНСКАЯ ВОЕННО-ЭКСПЕДИЦИОННАЯ
ДОРОГА - "ДОРОГА ДЕКАБРИСТОВ".

Чтобы подкрепить сказанное, вернемся к описанию прерванного путешествия по современной "форштадтской дороге" к высотам бывшей крепости Прочный Окоп. И не будем уже теперь называть эту дорогу "форштадтской", а определим ее наименование исторически "Прочноокопская военно-экспедиционная дорога". Армавирские краеведы дали ей, кроме того, и другое дополнительное наименование: "ДОРОГА ДЕКАБРИСТОВ". Здесь нет никакого преувеличения. На самом деле, по этой дороге в разные годы, главным образом в период командования правым флангом генерала Засса, прошли многие декабристы. Так например, находившийся декабрист А.А.Бестужев-Марлинский вспоминал и эту дорогу и этого храброго и энергичного генерала, о котором бывал несколько раз в закубанских набегах с февраля 1835 г.

За год до Бестужева в Прочном Окопе находился декабрист Палиашвили. Он был арестован одновременно с свободомышлящим доктором Майером (прототипом замечтковского доктора Вернера) и они вместе отбывали ссылку в этой крепости. Сообщение о ссылке доктора Майера в Прочный Окоп впервые мы получили от талантливого армавирского (ныне покойного) преподавателя Н.В.Очаповского в 1930 г. Подтверждение этого исторического факта имеется в книге Яковкиной "Выдающиеся люди на КВН /Минеральные Воды/", Пятигорск - 1963 г.

Почти в это же время через Прочный Окоп проходили декабристы С.И.Кривцов и В.И.Голицын. Это были первые декабристы, с которыми весной 1837 г. в г.Ставрополе встретился и познакомился поэт Н.В.Лермонтов.

Позже, кроме уже названных нами ранее декабристов М.Нарышкина, М.Назимова, Н.Игельстрома, А.Вегелина и братьев Беляевых, здесь побывал весьма обширительный и привлекательный декабрист В.Лихарев, познакомившийся с поэтом М.Ю.Лермонтовым и погибший летом 1840 г. в Чечне, на глазах сражавшегося рядом с ним Лермонтова.

Бывал на этой дороге и декабрист Н.Загорецкий, обладавший недюжинными техническими способностями /на каторге соорудил из кастрюльки и картона стенные часы/. В 1839 г. Загорецкий и Игельстром были на строительстве форта Лазаревского. Там на их руках умер поэт-декабрист Одоевский.

Имеется основательное предположение, что будущий декабрист Якубович, наказанный и сосланный на Кавказ за дуэльство еще при Александре I, также бывал здесь в экспедициях к черкесским аулам. Черкесы долго помнили его, называя "Злым Якубом". Об этом поведал в своих стихах "На смерть Якубовича" лицейский друг А.С.Пушкина В.Кюхельбекер.

Нельзя не вспомнить здесь бывшего гвардейского офицера С. Д. Безобразова, в личную семейную жизнь которого грубо вмешался Николай I. В результате столкновения с императором был сослан на Кавказ. Два-три года служил в крепости Прочный Окоп. Познакомился близко с А.Бестужевым. Вместе ходили в экспедиции за Кубань. За короткое время выдвинулся как блестящий командир. Ему было поручено командование 44-м Нижегородским драгунским полком, стоявшим в Кахетии, куда в 1837 г. был направлен в ссылку поэт М.Ю. Лермонтов, котрого Безобразов принял с отеческой теплотой. В полку у Безобразова было немало декабристов. К ним он проявлял дружеское внимание. В 1841 г. Безобразов хоронил Лермонтова. Вместе с декабристом Н.Лорером он нес гроб. В 1842 году, когда был снят генерал Засс, командующим правым флангом был назначен С.Безобразов.

Декабрист А.Беляев в одной из глав своих "Воспоминаний" трогательно рассказывает об этом замечательном человеке и военачальнике. В начале сороковых годов прошлого века в крепости Прочный Окоп появился в качестве штабного офицера при генерале Зассе младший брат великого поэта А.С.Пушкина - Лев Сергеевич Пушкин. Он был всегда близок к декабристскому кругу и во время восстания на Сенатской площади счастливо избежал ареста. Л.С.Пушкин или, как за-просто его называли товарищи Левушка, был очень общительным, веселым и остроумным человеком.

Свято чтил память своего великого брата. Знал наизусть многие его произведения. Особенно любил выступать с чтением поэмы "Цыган". Летом 1841 г. он был в числе строителей крепости "Маховская просека" у современного города Дагинска. Много раз прокакал он по Прочноокопской военно-экспедиционной дороге.

Нельзя не вспомнить и талантливого, несчастной судьбы человека — композитора Алябьева (автора знаменитого "Соловья"), лично обвиненного в уголовном деле и сосланного в Сибирь. На короткое время с 1832 по 1833 год он был переброшен на Кавказ в г. Ставрополь. Согласно материалам Краснодарского государственного архива он выбирался из Ставрополя в закубанские черкесские аулы и записывал восточные мелодии. Алябьев был дружен с декабристами. Многие из его произведений исполнялись на декабристских вечерах одновременно с произведениями других современников : Глинки, Верстовского, Гурилева и Варламова.

XV. ШТРАФНЫЕ СОЛДАТЫ, УЧАСТНИКИ ДЕКАБРИСТСКОГО ВОССТАНИЯ — НА КУБАНИ, ПОДАЮЩИЕ ПОВСТАНИЕ.

В 1831 г. В ПРОЧНОМ ОКОПЕ.

Мы отметили ряд декабристов и людей близких к декабристскому кругу. Но не надо забывать, что помимо декабристов из привилегированного класса дворян на Кавказе были и рядовые участники восстания т.е. бывшие солдаты и матроны, отправленные штрафными частями на Кавказ "искупать кровью свою вину". По этому вопросу имеется интересная работа у армянского историка М.Г.Нерсесян — "Декабристы в Армении в 1826—1828 г.г. ("Историко-филологический журнал Академии Наук Армянской ССР", № 1, 1958).

Основная масса этих штрафных солдатских частей была направлена в Закавказье (Армения), где в то время шла борьба с персидскими ханами. Одна из штрафных частей Черниговского полка из местечка Белая Церковь в количестве шести рот (773 человека) были распределены по следующим полкам: Навагинский пехотный полк, Тенгинский пехотный полк, Кабардинский пехотный полк, Таманский пехотный гарнизон. Автор указывает, в какой части Кавказа находились перечисленные полки. Но уже по наименованию Таманского гарнизона, Кабардинского полка (находившегося в Прочном Окопе) и Тенгинского полка (находившегося в с. Ивановском) можно сразу догадаться, что рядовые "матежники" из Черниговского полка были у нас на Кубани, в

том числе и в крепости Прочный Окоп. Руководителем восстания Черниговского полка на юге был Сергей Муравьев-Апостол, казненный 13 июля 1826 г. в Петропавловской крепости. В этом восстании принимали участие три брата Муравьевы-Апостоловы. Младший из них, покончил с собой на поле боя.

Декабристы свято чтили память казненных товарищев. Декабрист Михаил Бестужев написал русскую песню на мотив "Уж как пал туман на сине море", посвященную восстанию Черниговского полка и руководителю этого восстания Сергею Муравьеву-Апостолу.

Мы проводим здесь небольшой отрывок из этой впечатляющей песни. Полностью она напечатана в книге А. Гессена "Во глубине сибирских руд" (Изд. "Детская литература". И. 1965, с. 162-163).

То не ветер шумит во сыром бору,
Муравьев идет на кровавый пир...
С ним черниговцы идут грудью стать.
Сложить голову за Россию мать.

После удачных военных экспедиций на Кавказе штрафные части солдат и моряков были амнистированы и возвращены в Россию. При отправлении на родину многие из них могли задержаться, будучи тяжело раненными или больными. После выздоровления они могли быть оставлены в местах военных частях, обзавестись семьями (разрешалась и выписка семьи из России) и продолжать тянуть долголетнюю солдатскую службу на Кавказе. Бывшие штрафники-солдаты, несомненно, находились и на "форштате" у крепости Прочный Окоп.

Об этом определенно рассказывали наши старожилы, вспоминая, что у них на "форштате" проживало не мало потомков бунтовщиков-солдат.

Встречались и моряки. Некоторые из них, уже в пожилом солдатском возрасте, могли еще в начале 40-х годов прошлого века принимать участие и в военных экспедициях на Лабу и в строительстве крепости "Махошевская просека" у современного Лабинска.

Фортадские старики по рассказам своих отцов и дедов передавали также, что через Прочный Окоп проходили "мятежники-поляки". И среди них будто были такие, которые потом оставались жить на "форштате". Назывались польские фамилии: Дицинский, Барщевские и другие, женившиеся на русских.

У Ирины Корженевской (посещавшей несколько раз Армавирский музей) в ее историческом романе "Дубовый листок" фигурирует польский офицер, один из повстанцев 1831 г. Он является не вымышленным лицом, а действительно польским офицером, который после раз-

грома восстания прибыл в кандалах в г.Ставрополь. Отсюда он со своими товарищами-подчками через Прочный Окоп был направлен в Усть-Джинскую крепость. Писательница И.Корженевская ознакомила нас с копией "послужного списка" этого поляка, оставшегося навсегда в России и доблестно служившего в Кавказской армии. У него была братская дружба с декабристами. На Кавказе он обзавелся семьей. Живи еще до сих пор его потомки во Владикавказе, с которыми имела теплую встречу писательница. От них она получила ценные сообщения, которые послужили ей основной для ее волнующего путешествия от границы Польши до нашей Кубани. Она шла по следам героя своего романа "Дубовый листок": Михаила Наленча, мужественного, бескорыстного и честного поляка, которому полюбились бесхитростные русские люди с мятежной, открытой душой и сама Россия, страдавшая от произвола, но несущая миру великую правду.

XVI. ПОВЕСТВОВАНИЕ ФОРШТАДСКОГО СТАРОЖИЛА

П.И.САВЕЛКИНА ОБ "ОПАЛЬНЫХ ГОСПОДАХ" В ПРОЧНОМ ОКОПЕ.

Через крепость Прочный Окоп с его "форштатом" и через одноименную с ним станицу прошло таким образом много незаурядных людей, которых простые люди без всякого разделения называли общим именем: "опальные", или "штрафные". Здесь были и декабристы, и повстанцы и просто люди "неугодные" почему-либо царскому правительству. В Армавирском музее хранится запись рассказа одного из таких простых людей, старожила "форштата" Петра Ильича Савелкина. Со слов своего деда он передал ценное повествование о прочнокопских "опальных". Мы приведем из него лишь небольшой отрывок, характеризующий отношение населения к этим брошенным на чужбину людям для "искупления своей вины".

"Хорошие были люди все эти опальные, - сообщает П.И.Савелкин, - добрые, справедливые, жалостливые к беднякам, к больным, к ребятишкам. Любил и жалел их наш народ. Помнится, как к нашим опальным приезжали на свидание родичи: их матери и жены. Приезжали они и в Прочнокопскую станицу и на "форштат". Некоторые приезжали в богатых каретах со слугами, с большими сундуками. В речи были трогательные: обнимались, плакали. Приезжие господа душевно относились к населению. Наши бабы и ребятишки крепко любили их. Приходило положенное время и добрые господа собирались в отъезд, в далекую Россию.

Проводы были всегда тяжелые. На них выходило все наше население, провожали как родных. Бабы ревмя-ревели. Тихо ехали экипажи до самой окопицы. Рядом с ними шли "опальни". И наши слобожане тоже следили за ними. Потом еще раз прощались и лошади вихрем уносили наших дорогих гостей по Ставропольской дороге"...

XVII. ПРОЧНЫЙ ОКОП В 40-Х ГОДАХ XIX ВЕКА.

И крепость Прочный Окоп с форштатом, и одноименная с ним станица в период Кавказской войны представляли собой одно из самых оживленных мест на Кубанской защитной линии. Особенно шумно и людно было с конца осени по март месяц, когда со всех сторон стягивались на зимний отдых военно-экспедиционные отряды.

Как уже ранее было сказано, здесь находился штаб командующего правым флангом (располагался в крепости). В крепости же и на "форштате" размещен был, главным образом, Кабардинский пехотный полк (о нем несколько раз говорится "в Воспоминаниях" декабриста Беляева). Но и в станице было сосредоточено не мало военной силы. На этот счет мы приведем документальные строки из "Воспоминаний" Беляева. Прежде всего из уже известной нам XX главы: "Мы отправились в станицу Прочный Окоп, штаб-квартиру Кубанского казачьего полка".

Далее из XXI главы "Воспоминаний" ("Русская старина", октябрь 1881, с. 274) мы получаем более ясное представление: "В Прочном Окопе (т.е. в станице) стояла артиллерийская бригада, командиром которой был полковник ГАН. Семейство его состояло из жены и двух взрослых дочерей. Тут же была штаб-квартира Кубанского казацкого полка и жил командир, полковник Фитингхоф, которого мы часто посещали. А когда он делал ученье знаменитой тогда Прочноокопской сотне, то мы всегда присутствовали, любуясь удивительной удалью этих казаков, скакавших на коленях вовесь карьер".

Приведем еще небольшой отрывок, иллюстрирующий характер досуга, отдыхавших после весенне-летней военной кампанией.

"Все эти лица (т.е. полковник Ган со своей семьей и полковник Фитигоф) бывали по вечерам у Нарышкиных. И так как Елизавета Петровна (жена декабриста Нарышкина) прекрасно пела, а дочери полковника Гана тоже были музыкантши, то мы часто наслаждались прекрасной музыкой, так что жизнь в Прочном Окопе была очень приятна. Кроме того у Нарышкиных было много хороших книг, получались иностранные и русские журналы и время летело незаметно. Предпринимались

частые прогулки по улицам станицы и за станицу. А однажды состоялась поездка за Кубань в один из мирных черкесских аулов, по предложению полковника Гана⁹.

В воспоминаниях стариков (конечно, по рассказам их дедов), станица Прочноокопская "громела" в давние времена. Там находился казачий штаб. Было много и своих и приезжих военных. В станице размещался довольно крупный на Кубанской линии военный госпиталь. Сюда в 1847 г. присажал великий хирург Николай Иванович Пирогов. В госпитале он производил свои замечательные операции "под эфирным наркозом"⁹.

Были в станице торжественные праздники с музыкой. Происходили большие народные гуляния. И торговля была бойкая разными товарами. Особенно оживленно было на ежегодных ярмарках.

Первоначально ярмарки устраивались у самой крепости Прочный Окоп вблизи соляного склада. Когда против Станицы был сооружен каменный мост через Кубань (в середине 40-х годов), то ярмарки перенесли на территорию станицы¹⁰.

ХVIII. СТАВРОПОЛЬСКАЯ ДОРОГА И ЕЕ НАЗНАЧЕНИЕ для ПРОЧНОГО ОКОПА.

Живая и постоянная связь станицы и крепости поддерживалась с г. Ставрополем по одной из старейших дорог на Северном Кавказе - "Ставропольской". Согласно преданию, по этой дороге в 1778 г. прошел великий полководец А.В. Суворов. Бывал на ней и командующий Кавказским корпусом генерал А.П. Ермолов.

В 1820 г. к Тамани проезжал по "Ставропольской дороге" юный изгнаник, будущий великий поэт А.С. Пушкин с семьей выдающегося героя Отечественной войны 12-го года генерала Н.Н. Раевского. С ним была любимая его дочь Машенька, будущая княгиня М.Н. Волконская, последовавшая мужественно в Сибирь за своим супругом декабристом С.Г. Волконским.

Проследовали по этой памятной исторической "Ставропольской дороге" многие и другие выдающиеся люди нашей Родины.

Мы никак не можем согласиться с научным сотрудником Недумовым из Пятигорского "Домика Лермонтова", который, отвечая на запрос Армавирского музея (в 1958 г.) в отношении Лермонтова, называл, между прочим, "Ставропольскую дорогу" к Прочному Окопу - "преселочной" (т.е. глухой и редко используемой). Это совершенно ошибочное представление.

Между Прочным Окопом и Ставрополем было постоянное движение, независимо от времени года. Здесь проходили сменяющиеся пешие и конные воинские части. Тянулись в обе стороны пустые или груженые казенные обозы. Раза два в неделю действовала почта, обслуживающая не только Прочный Окоп, но и укрепления Григориопольское и Темирбекское. Шли частные фуры торговцев и маркитантов-армян к крупным ставропольским складам.

Скакали по этой дороге по различным казенным надобностям фельдъегеря и штабные офицеры. Останавливались все эти командированные люди в небольшом двухэтажном доме, громко именовавшемся гостиницей и находившейся во дворе почтовой станции. Ехали в Прочный Окоп в каретах, в колясках или на простых русских тройках родные и друзья живущим там служащим и ссыльным. А из Прочного Окопа бывало немало отпускников военных или декабристов, ехавших на свидания с друзьями или на лечение на "Горячие воды" (современный Пятигорск).

XIX. ОТПУСКА, КОМАНДИРОВКИ И ВСТРЕЧИ ДЕКАБРИСТОВ. ДОСУГ ДЕКАБРИСТОВ.

Не следует удивляться, что отпуска предоставлялись свободно и декабристам, и вообще, другим ссыльным. В этом отношении на Кавказе долго держались добрые ермоловские традиции, которые, в частности, поддерживались генералом А.А.Вельяминовым, а после его смерти генералом Граббе. Касаясь узко правого фланга, этим традициям всегда следовал генерал Г.Х.Засс и сменивший его генерал в 1842 г. С.Д.Безобразов, особенно подруживший с декабристом М.А.Назимовым. Последний сыграл большую роль в личной жизни генерала.

Мы считаем необходимым привести из мемуарной литературы несколько иллюстраций, дающих представление о той свободе передвижений, которой пользовались декабристы. Таких примеров имеется много в "Записках декабриста" Н.И.Лэрера - "этого необыкновенно живого и разносторонне одаренного человека, большого весельчака, остроумного собеседника, увлекательного рассказчика, музыканта и, самое главное, человека большого гражданского мужества", с высоким достоинством прошедшего все испытания инквизиционного следствия, учиненного императором над декабристами. В историческом романе Ольги Фэрш "Первенцы свободы" (Госуд, Изд. худож. литературы М.1957) дан прекрасный и незабываемый образ декабриста Николая Ивановича Лэрера, благородная тень которого витает и в наших родных местах.

Н.И.Лорер с момента прибытия на Кавказ (в г.Ставрополь, в 1837 г.) был направлен вместе с декабристом Черкасовым в Тенгинский полк, стоявший в с.Ивановском (за бывш. Екатеринодаром).

Знакомясь с "Записками" Лорера, невольно обращаешь внимание, что он довольно часто пользовался увольнением в отпуск по самым различным обстоятельствам. Много раз бывал он в Прочном Окопе, где находилась близкая ему семья декабриста И.И.Нарышкина. Вот, например, одна из его записей:

"После одной экспедиции я поехал в Прочный Окоп... Возвращаясь от моих друзей (Нарышкиных) часов в 11, я лег в постель и стал читать по обыкновению. Вдруг, слышу стук колес подъехавшей телеги и голос называвший мое фамилию. Я узнал, что это был Лев Пушкин, и не успел я вскочить с постели, как он уже целовал меня.

- Куда тебя бог несет ? - спросил я.

- За Кубань, в экспедиции о Засеки, старшим дежурным в отряде".

В другом месте "Записок" Лорера мы опять находим его в Прочном Окопе с его приятелем А.Лучинским:

"Мы пошли с ним по Прочнокопской станице... Лев Сергеевич вспомнил в недавней кончине брата. Рассказал мне одно обстоятельство из жизни поэта, не всем известное, которое я занесу в свои воспоминания" (речь здесь идет о попытке бегства поэта из Михайловского).

Н.И.Лорер бывал не только в Прочном Окопе, но и в Пятигорске, где декабристы, заранее списавшись, собирались с разных сторон для товарищеской встречи и за одно уж - для лечения. Такая, встреча декабристов из Прочного Окопа и состоялась в Пятигорске с позтом-декабристом А.И.Одоевским в 1838 г. (за год до смерти Одоевского). Племянник Лорера, лейб-гвардеец А.И.Арнольди в своих "Записках" вспоминает лето 1841 г., когда в Пятигорске он встретил целую группу декабристов:

"Дядя /Лорер/ жил в слободке с Михаилом Александровичем Назимовым и Александром Ивановичем Вегелиным, товарищами своими по ссылке. И у него часто встречался я с двумя братьями Беляевыми, также членами "тайного общества".

Не знаю, за что только все очень меня любили, обласкать, и я весело проводил с ними все время".

Нередко из станицы отлучался осенью 1840 г. известный нам М.А.Назимов. Он ездил в г.Ставрополь. В это время на отдыхе там находились М.Ю.Лермонтов и Л.С.Пушкин, с которыми Назимов дружил. Вся эта компания встречалась обычно на квартире у барона Вревского. По этому поводу исламист А.Есаков (однополчанин Лермонтова по чеченским походам) сообщает следующее:

"Вот это общество раза два в неделю собиралось у барона Вревского. Когда же случалось присматривать из Прочного Окопа рядовому Михаилу Александровичу Назимову, то кружок особенно оживлялся. Несмотря на скромность своих, Михаил Александрович как-то сам собой выдвигался на почетное место и все, что им говорилось, бывало выслушивалось без перерывов и малостей, в которые чаще других вдавался Михаил Брюсович".

Летом 1841 г. в день похорон великого поэта М.Ю.Лермонтова в Пятигорске оказались отпускники-декабристы А.И.Бегелин из Прочного Окопа и Н.И.Лэрер из с.Ивановского. Лэрер, как однополчанин Лермонтова по Тенгинскому полку, вместе с другими представителями от воинских частей чес грб поэта.

Прочинскских декабристов в период разгара военных экспедиций часто перебрасывали далеко друг от друга. Но когда наступила пора затишья и отдыха, они всегда стремились опять сойтись вместе. Так, например, братья Беляевы и Бегелин после тяжелых походов в Чечню, возвратившись в крепость Грозную, легко получили разрешение на отдых в Прочном Окопе с условием вернуться к своему полку ранней весной: "Мы с братом, равно как и другие наши товарищи декабристы, всегда участвовали во всех значительных делах и экспедициях, после которых благороднейшие и великодушные начальники наши обыкновенно отпускали нас на отдых. Первый год отдыха мы провели в Прочном Окопе"...

Но грустную весть принесли они своим товарищам, вернувшимся в станицу. Весть эта касалась декабриста Владимира Николаевича Лихарева, который в зиму 1840 г. находился на отдыхе в станице Прочный Окоп и весной отправился к своему Кулинскому полку, чтобы принять участие в широко развертывающихся военных действиях против восставшего Шамиля. В тех местах, куда попал декабрист Лихарев, оказалось и поэт М.Ю.Лермонтов, отбывавший в 1840 г. свою вторую ссылку. Он был временно прикомандирован к той части, где находился и Лихарев. М.Ю.Лермонтов еще в 1837 г. познакомился с ним в г.Ставрополе, когда из сибирского города Кургана прибыла, уте-

знакомая нам, шестерка декабристов. В ее число входил и Лихарев. Этот образованный человек, знавший несколько языков, умевший глубоко разбираться в вопросах философии и, к тому же, весьма общительный, сразу же при первой встрече привлек внимание Лермонтова. Он подыбил его не менее, чем поэта-декабриста А.И.Одоевского, прибывшего одновременно с Лихаревым в Ставрополь.

И вот у Лермонтова в чеченских горных трущобах произошла с Лихаревым неожиданная встреча. Велика была радость обоих... Но не надолго. II июля 1840 г. Лермонтов и Лихарев находились у горной реки Валерик, где разыгралось кровопролитнейшее сражение, декабрист Н.И.Лорер со слов очевидцев сообщает по этому поводу:

"Сражение приходило к концу. Оба приятеля (Лермонтов и Лихарев) шли рука об руку часто в жару спора останавливались. Но горская пуля метка и винтовка редко дает промаха. В один из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину и он упал навзничь".

Тела убитых при Валерике вместе с телом Лихарева были погребены в одной из братских могил. Несколько позднее после этой ужасной битвы через Валерик проходил отряд, в котором находились братья Беляевы и Вегелин. Всю их представилась невообразимо чудовищная картина. И в своих "Воспоминаниях" старший Беляев отмечает в связи с этим:

"Когда мы последнюю экспедицию нашу проходили Валерик, то увидели, что могилы наших убитых были разрыты и тела павших обнаружены, ограблены и изуродованы. Тут же похоронили их снова". Это была жестокая месть со стороны чеченцев, руководимых фанатичными мюридами, разъезжающими по аулам с зелеными знаменами и проповедывавшими священную войну "газават" против русских "гяуров".

ХХ. ГЛАВНАЯ КАВКАЗСКАЯ ЗАЩИТНАЯ ЛИНИЯ - ОТ ТАМАНИ ДО ВЛАДИКАВКАЗА, ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛЮДИ РОДИНЫ, ПОБЫВАВШИЕ НА НЕЙ.

От Валерика после "сунженской экспедиции", отпущенном начальством, братьями Беляевыми и Вегелинами пришлось совершить длинное путешествие. "Мы с братом и Вегелиним, - сообщает по этому поводу старший Беляев, - верхом проехали всю линию до Прочного Окопа, что, я думаю, составит не менее 800 verst". Необходимо получить более ясное представление, что следует понимать под Линией ¹².

Прежде всего — это географическое понятие, и в старые времена в официальных приказах "Линия" писалась с большой буквы как имя собственное. Ныне это наименование совершенно забыто. И если кому-либо придется попасть на дорогу между бывшей крепостью Прочный Окоп и его "форштатом" или проследовать по этой дороге к станице Прочноокопской по ее современной улице Первомайской, пусть знает, что он видит перед собой знаменитую и прославленную оборонную Линию.

В самом начале XIX века по этой Линии близко к Прочному Окопу подходили восставшие кабардинцы. В 1816 г. по ней проезжал командующий Кавказским корпусом генерал А.П.Ермолов, инспектируя защитные объекты и отдавая приказы о создании лесных просек стратегического значения.

В 1826 г. проследовал по Линии через Прочный Окоп с фельдъегерем арестованный по подозрению в соучастии с декабристами творец бессмертного "Геря от ума" А.С.Грибоедов. Имеются исторические указания, что весной 1835 г. декабрист А.А.Бестужев-Марлинский из крепости Прочный Окоп проехал по Линии к укреплению Невинный Мыс / у современного Невинномысска /. Здесь в военном госпитале он встретился с выздоравливающим (уже известным нам) С.Д.Безобразовым.

Летом 1837 г. в период разработки вопроса о перенесении кордонной линии с Кубани на Лабу, в Прочный Окоп и станицу Прочноокопскую, прибыл командующий Кавказским корпусом генерал Розен. Его внимание в этот приезд было уделено осмотру местности у самой станицы Прочноокопской, где предполагалось сооружение каменного моста. Вопрос с его строительством затянулся на долгие годы, главным образом из-за финансовых трудностей (см. в фондах Армавирского музея переписку "О перенесении кордонной линии с Кубани на Лабу").

В конце сентября 1837 г. "эт Кизляра до Тамани" по Линии проехал спешным порядком великий поэт М.Ю.Лермонтов, чтобы на Черноморье догнать экспедицию генерала Вельяминова... И какое удивительное совпадение: по той же Линии из Закавказья и через ту же прочноокопскую почтовую станцию весной 1839 г. прошел к Тамани замечательный поэт — декабрист А.И.Одоевский, лирику которого так высоко ценил подружившийся с ним Лермонтов...

СКОЛЬКО ВСЕГО В ИСТОРИИ КУБАНИ И СТРАНЫ ПОВИДАЛА ЛИНИЯ ? . . .

Стоя в глубоком раздумье на древнейшем шляху, можно назвать еще ряд уже знакомых нам декабристов. Но кроме них, несомненно, прошли здесь и другие, имена которых заочны или не выявлены как

следует в наших архивах, не обнаружены в народных повествованиях, и преданиях, не найдены в эпистолярном наследстве потомков декабристов или их друзей. А эти исторические поиски могут увенчаться успехом, если только краеведы дружно возьмутся за увлекательную работу в области нашего кубанского "Декабристоведения".

Но сколько не разыскивали бы мы новых декабристских имен – все они будут принадлежать тому замечательному поколению людей, которые беззаветно и отрастно любили Родину. Это были, по словам В.И.Ленина, "лучшие люди из дворян, которые помогли разбудить народ... их дело не пропало" [3].

Несмотря на разгром восстания, выступление декабристов было первым серьезным ударом по самодержавию, которое с момента этого трагического события уже не знало покоя и видело всегда призрак революции.

Декабристы никогда не жалали о своих утерянных дворянских привилегиях и о беспечной жизни аристократического общества. Они стойко переносили трудности каторги, поседения и беспокойного солдатского существования на "погибельном Кавказе". Декабристы никогда не называли себя несчастными жертвами, но с восторгом благославляли свою исключительную судьбу с ее тяжелыми испытаниями. Они твердо верили, что пройдет время и искра, брошенная ими, возгорится в пламя. Декабристы вызывают у нас чувство национальной гордости. Народ помнил и любил декабристов. Певцы поистине слагали о них песни. История не забыла их и возвеличила их деяния. Сотни больших и малых книг, крупнейших исторических исследований, поэтических произведений и, вообще, художественной литературы написано о декабристах нашими выдающимися учеными и писателями. Музыка, изобразительное искусство, театр и кино в лице своих лучших мастеров выразили самые высокие мысли, чувства и идеи, носителями которых были декабристы. Все это является свидетельством глубокого внимания к эпохе, в которой жили и действовали декабристы, стоявшие у истоков русского освободительного движения.

В нашей патриотично-воспитательной работе с молодежью тема о декабристах является весьма привлекательной и благодарной. И всем нам – краеведам, учителям, воспитателям, экскурсоводам следует ближе ознакомиться с нашими местными материалами о декабристах. Использовать их в экскурсионно-туристской деятельности. Привлечь внимание к нестойчивому продолжению разыскательско-исследовательской работы о декабристах в нашем ближайшем историческом окружении инести свой посильный вклад в наше кубанское "Декабристоведение".

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ Б.Л.ВИРОДОВА

1. См. о нем: Виноградов В.Б. "Он усмирил Закубанье". Чертоти портрета генерала фон Засса // Российский исторический журнал 1994, № 2, с.15-22 (там и библиография).

2. См.: Прочкоокопский историко-культурный многоугольник. Материалы научно-практической конференции в честь 200-летия казачьей Старой Станицы-Прочкоокопской (сентябрь 1994 г.). Армавир, 1994, с. 3-13.

3. См. описание общей обстановки: Промлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. Часть I. С древнейших времен 1917 г. Краснодар, 1994. С. 108-128.

4. См.: Записки А.П.Ермолова. 1798-1826. И: Высшая школа. 1991.

5. Последнее издание см.: Нечкина М.В.Грибоедов и декабристы. 3-е изд. И. 1977.

6. Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Русская старина, октябрь 1881 г., с.255-262.

7. Сравните: Виноградов В.Б. Топонимия Средней Кубани. Армавир. 1993. С. 47.

8. Новейшие сведения см.: Телепень С.В., Виноградов В.Б. Заметки о казаках-линейцах. Армавир. 1994; Виноградов В.Б. Из истории Старой Станицы-Прочкоокопской. Армавир. 1994.

9. Уточнения по этой части.: Виноградов В.Б. Страницы Средней Кубани. Армавир. 1993. С. 88-96; Найденкова С.В. Медицинские учреждения станицы Прочкоокопской и крепости Прочный Окоп (XIX в.) // Прочкоокопской историко-культурный многоугольник... С. 20-21.

10. Подробнее см.: Телепень С.В., Виноградов В.Б. Заметки о казаках-линейцах. Армавир.1994.

11. С.И.Недумов, надо полагать, имел в виду не характер дороги, соединявшей, действительно, города (Ставрополь и Екатеринодар), а степень ее обустройства в современном понимании.

12. См., например, статья "Линия Кавказская" в "Казачьем словаре-справочнике", (Том II. Сан-Ансельмо, Калифорния.США. 1968. С. 134-135.

13. Данние и последующие строки отмечены всеми идеологическими примстами времени своего написания. Но они во многом справедливы и для этого дня, когда объективная роль декабристов в отечественной

историк подвергается, порой, пренебрежение, искажение, отрицание. Но всему, что мы знаем о Б.Л.Выродове, он не писал их, как дань конъюнктуре, ибо по своим убеждениям не был ни монархистом, ни сторонником самодержавия.

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК Б.Л. ВЫРОДОВА

Борис Йевзович Выродов (1888-1976) оставил глубокий след в краеведении Средней Кубани, являясь одним из его зачинателей. Но след этот долгое время был скрыт слабой известностью краеведа широкой общественности. Тому немало причин, далеко не все из которых уже прояснены.

Уроженец Армавира, выходец из среди городской интеллигенции конца XIX в. (его отец - видный местный деятель, заведующий Пушкинским училищем "Армавирского общества попечения о детях"), Б.Л.Выродов учился в Бакинской гимназии. С 1910 г. - помощник зав. Армавирским музеем (по научной части), когда и приобщился к краеведческой работе естественно-научного направления. По рекомендации выдающегося армавирца В.И.Лунина продолжал образование, а затем преподавал на "Курсах по городскому самоуправлению с расширенной программой по школьному и внешшкольному образованию" при естественном (биологическом) факультете Мэсковского университета. Есть сведения, что семья Выродовых была близка партии эсеров и в известной мере примкнула к революционному движению. Возможно, отсюда происходит инцидент с белогвардейскими властями, отголоски которого сохранились в изустной информации людей, лично его знающих.

По тем же сведениям в начале 1920-х гг. участвовал в организации движения скаутов. Судя по всему, идеалы победившей Советской власти не разделялись Б.Л.Выродовым, что и предопределило его вполне улавливаемую общественную ущемленность: до Великой Отечественной войны энергичный и образованный специалист прозябал в должности руководителя кружка "Юнатов" Армавирского Дворца пионеров, исследуя близлежащие районы, в особенности отрезок кубанского побережья от Прочкоэкопской до Убженской. Пожале, что дальнеше обнародования результатов своих поисков в газетных краеведческих заметках дело нешло.

В подобном контексте последующая жизненная драма закономерна: в месяцы фашистской оккупации Б.Л.Выродов вступил в сотрудничество с немецкими властями, став редактором городской газеты. По рассказам некоторых земляков, особой антисоветской активности не проявлял. Тем не менее, бежал из Армавира вместе с оккупантами. После некоторых перипетий пришла расплата: Выродов приговорен к отбыванию длительного срока в лагерях. Возвращается в Армавир в середине 1950-х гг. и до конца трудовой деятельности остается рядовым сотрудником Армавирского краеведческого музея.

В этот период проявляет себя как пытливый краевед-историк, оставивший в музейных фондах и в городском архиве ряд интересных, оригинальных и разнонаправленных машинок и рукописных материалов ("Века и тысячелетия волнующей истории смотрят на нас с фортадских высот", "О походах князя Святослава на земли касогов", "Сказ о первоходе на Кубани - киевском князе Святославе Игоревиче", заметки "Об истории просвещения в г.Армавире", "Об истории Армавирского Дворца пионеров" и др.). Все они ждут своего анализа и толкования, выдавая большой историко-краеведческий багаж их автора. Особо нужно отметить ценный труд "Один из первых путешественников в Эфиопию - кубанец В.Ф.Макков", характеризующий чадоустремленность и упорство краеведа в воссоздании биографии почти забытого земляка - уроженца Ферзатата, исследователя Абиссинии в конце XIX в. По наличным материалам прослеживается повседневное содействие тогдашнего директора музея И.С.Данилькевич, "под крылом" которой Б.Л.Выродов осуществлял свои изыскания.

В личном архиве М.С. Данилькевич находился и экземпляр публикуемого ниже краеведческого труда, сохранившегося для всех нас. Светланой Сергеевной Михлиной - дочерью М.С. Данилькевич, лично знавшей Б.Л.Выродова и сохранившей самые теплые воспоминания об этом интеллигентном человеке. Ею же передана и первая известная нам фотография краеведа, сделанная 17 марта 1963 г. В прямой "связке" с этими материалами находится и благодарственное письмо членов Совета исторической секции Армавирского отделения Общества охраны памятников истории и культуры И.Данилькевич, Б.Филиппова, М.Рыбникова, в котором есть и такие слова:

"На протяжении многих лет Вы с неослабной энергией и с большим знанием воскрешаете, собираете и изучаете историю города Армавира и его окрестностей.

Вы, дорогой Борис Львович, охотно и с большой любовью делитесь с учащимися наших школ собранными Вами материалами, консультируете их по вопросам организации краеведческих экскурсий... Желаем Вам бодрости и неу跂имого энтузиазма в Вашей благородной работе по изучению истории родного края..." Этот документ относится к августу 1970 г.

Единственной "открытой публикацией" Б.Л.Выродова при его жизни представляется брошюра "Армавир. Памятники истории и культуры. Мемориальные памятники", изданная незадолго до его смерти (в 1972 г.). Она состоит из двух частей: очерка жизни и научного творчества крупного советского ученого В.П.Колесникова (1902-1948) - уроженца Армавира-и своеобразной справки(с приложением схемы)сведений для проведения экскурсий"В закубанской районе г.Армавира".

Изучение краеведческого наследия Б.Л.Выродова, которое сейчас началось (см.: Прастова С.В. Краевед Б.Л.Выродов как биограф энтомиста В.Ф.Машкова // Археология и краеведение Кубани. Материалы Первой студенческой научной конференции. Краснодар. 1993. С. 40-41), нуждается в научной строгости и доброжелательной объективности (примеры см.: Виноградов Страницы истории Средней Кубани. Армавир. 1993). Однако можно уже уверенно утверждать, что Б.Л.Выродов заложил основы многих позиций, которые параллельно с ним и после него составили фундамент краеведения Средней Кубани.

Члены историко-краеведческого кружка АГПИ и Армавирского центра детского и юношеского туризма будут благодарны, получив любые сведения о судьбе и творчестве Б.Л.Выродова.

С.В.Пэпова,
старший лаборант археолого-
краеведческой лаборатории,
студентка-историк АГПИ.

СОДЕРЖАНИЕ

Б.Л.Выродов и его труд о декабристах на Средней Кубани (В.В.Виноградов)	53
ДЕКАБРИСТЫ И СРЕДНЯЯ КУБАНЬ	56
I. О мирных черкесах, населявших территории между Кубанью и Лабой. Набеги из-за Лабы. Генерал Г.Х.Засс	6
II. Переписка между военными ведомствами по вопросу о перене- сении кордонной линии с Кубани на Лабу.	9
III. Генерал А.А. Вельяминов – командующий Кавказской Линией и Черноморьем	10
IV. дата строительства укреплений и станиц на Лабе.	13
V. Жемуары декабриста А.П.Беляева, касающиеся военной эк- спедиции на Лабу и строительства укрепления "Махашевская просека" (современного г.Лабинска).	14
VI. Декабрист К.Е.Игельстром – один из главных строителей укрепления у современного г.Лабинска.	15
VII. Декабрист А.И.Вегелин	17
VIII. Декабрист М.А.Назимов	17
IX. Декабрист И.И.Нарышкин	18
X. Декабристы братья А.П. и П.П.Беляевы	21
XI. Отъезд декабристов Беляевых на Кавказ	23
XII. От Кубани до Лабы (июль 1840 г.)	25
XIII. Жемуары А.П.Беляева подтверждают историко-географические факты прошлого наших мест	31
XIV. Прочноокопско-Лабинская военно-экспедиционная дорога – "дорога декабристов"	34
XV. штрафные солдаты, участники декабристского восстания – на Кубани. Поляки-повстанцы в 1831 г. в Прочном Окопе	36
XVI. Повествование форштадского старожила Н.И.Савелкина о "запальнях господах" в Прочном Окопе	38
XVII. Прочный Окоп в 40-х годах XIX в.	39
XVIII. Ставропольская дорога и ее значение для Прочного Окопа	40
XIX. Отпуска, командировки и встречи декабристов. Досуг декабристов	41
XX. Главная Кавказская защитная Линия – от Тамани до Вла- дивостока. Выдающиеся люди Родины, побывавшие на ней .	44
Примечания к тексту Б.Л.Выродова (С.В.Попова)	47
Краткий биографический очерк Б.Л.Выродова (С.В.Попова) . . .	48

